
Ари
ДАЛЕ
ПРЕДАТЕЛЬ
(Не) вижу нас вместе

Ари Дале

Предатель. (не) вижу нас вместе

https://litres.ru/74791147

Аннотация

— Зачем ты здесь? — сердце бьется где-то в районе горла. — Чтобы вернуть тебя домой, — спокойно отвечает муж. — Я не вернусь! Не после того, что ты со мной сделал, — поднимаю руки, демонстрируя Демиду шрамы на ладонях, которые появились там из-за мужа. — Ты боишься меня? — выгибает бровь он. — А как ты думаешь? — тяжело сглатываю, отступаю. — Правильно, бойся, — издевательски произносит Демид. — Но не забывай, Якорь, ты все еще моя жена, и принадлежишь мне. Как и ребенок, который растет в тебе. Поэтому ты вернешься в наш дом. Единственное, жить ты будешь не только со мной, — зловещая ухмылка появляется на его губах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Муж и жена. Визуализация	18
Друг мужа и... любовница. Визуализация	19
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	71
Глава 14	76
Глава 15	81
Глава 16	86
Глава 17	90
Глава 18	94
Глава 19	98
Глава 20	103
Глава 21	109

Глава 22 114
Глава 23 120
Глава 24 125
Глава 25 132
Глава 26 136
Глава 27 141
Глава 28 149
Конец ознакомительного фрагмента. 150

Глава 1

Первую часть бесплатную дилогии «Предатель. Не вижу нас вместе»можно прочитать здесь https://litnet.com/shrt/rDmU

***

— Ты сама знаешь, что Демиду ничего не стоит найти тебя в Москве, — заявляет Оля, прислонившись к дверному косяку, пока я засовываю в сумку документы от местного гинеколога.

Бросаю на девушку быстрый взгляд. Хоть немного мутно, но все-таки вижу, что ее темные волосы завязаны в высокий хвост, а черный спортивный костюм скрывает роскошную фигуру: округлые формы и худощавую талию. Не понимаю, почему сестра Руслана, лучшего друга моего мужа, пытается скрывать свое «сокровище», не говоря уже о том, что предпочитает не краситься. Она ведь очень миловидная девушка.

Когда я ее впервые увидела, собственным глазам не поверила. Думала, что зрение опять меня подвело, ведь по голосу казалось, что я все это время общалась с подростком.

— У меня нет выбора, — слезы собираются в уголках глаз, заставляя взор еще больше помутнеть. — Если бы не ребенок… — прекращаю закидывать в сумочку все, что на глаза попадается, и кладу ладонь на огромный живот, обтянутый

лишь тонкой тканью белого платья в мелкий розовый цветочек.

Прикрываю глаза, окунаюсь в знакомую и ужасно страшную тьму, но не распахиваю веки, как кричит все внутри меня, просто глубоко вздыхаю и медленно выдыхаю, пытаясь справиться с накатывающей на меня паникой.

Прошло уже почти полгода, как я снова начала видеть. Ну как видеть — «зрение» жутко село. Оно мутное, туманное. Иногда пропадает вовсе. Даже несмотря на то, что после «переезда» я сразу же побежала к врачу, а потом соблюдала все предписания офтальмолога, принимала необходимые препараты, ходила на терапию в местную больницу, берегла себя как могла, все равно заработала диагноз «мигающее зрение». Вот только он поставлен немного наобум, ведь, чтобы дополнительно обследоваться, мне нужно было ехать в Москву, а я… побоялась.

Страх встретиться с Демидом засел глубоко внутри меня, и перешагнуть его мне не удавалось. До сегодняшнего дня.

— Поперечное предлежание — это не порок. Ну сделают тебе кесарево, и все, — Лена отталкивается от дверного косяка, подходит ко мне, плюхается на кровать.

— Сложные роды — это еще не все, чем может грозить предлежание ребенку. Может возникнуть много осложнений, а самое страшное, что из-за неправильного положения, в котором находится малыш, повышается риск асфиксии и гибели плода, — дрожь волной мелких мурашек проносится

по телу. Резко распахиваю веки и застегиваю сумку.

— Это тебе Анатольевна сказала? Или «Гугл в помощь»? — Оля выгибает бровь, а я в очередной раз поражаюсь, что она вот так просто называет пожилую, но очень приятную женщину-гинеколога просто так по отчеству. Я бы такой дерзости себе не позволила.

— Второе, но это неважно, — стискиваю ручки сумки, от соприкосновения кожа к коже ладони потеют. — Я позвонила старой знакомой, и она сказала срочно приехать. Поверь, Лена хороший гинеколог, она бы ни за что просто так не стала меня дергать.

В ушах до сих пор стоят слова Лены, произнесенные стальным тоном: «Жду тебя. Срочно».

— Но все еще может обойтись, — настаивает Оля. — А вот если ты попадаешь в руки своему ненормальному муженьку, то это точно ничем хорошим не закончится.

— Ну как он меня найдет? Как?! Я везде буду платить наличными, — благодаря Руслану у меня был запас денег на первые месяцы, а когда зрение более или менее начало восстанавливаться, я устроилась на работу в местную столовую при заводе. Зарплата там, конечно, так себе. И расходов у меня особо нет. Я трачусь только на еду и на одежду для себя и будущего малыша, поэтому даже накопить немного получилось. — На автобусе доеду до Москвы, потом на метро доберусь до клиники. Проведу пару часов в больнице и обратно. Все будет хорошо, — стараюсь выдавить из себя улыбку.

Но, скорее всего, она больше оскал напоминает.

— Блин, ладно, — Оля встает и немного неуклюже обнимает меня — живот мешает прижаться ко мне всем телом. — Если ты не вернешься до вечера, знай, я подниму тревогу, — отстраняется и смотрит на меня полными тревоги глазами.

— Все будет хорошо, — пытаюсь успокоить Олю я, хотя сама не особо верю в свои слова.

Но выбора в любом случае нет — ребенок важнее всего. Поэтому я прощаюсь с девушкой, которая уже стала моей подругой, и направляюсь на автовокзал.

Поездка в Москву вызывает противоречивые чувства. С одной стороны — я обожаю этот город, его суету, многообразие развлечений и невероятные возможности, которые он дает своим жителям. С ним связано множество приятных и не очень воспоминаний. Но с другой стороны — здесь живет Демид. Я его не видела восемь месяцев. Восемь!

Первое время после побега я просыпалась с криками. Мне снилось, что Демид находит меня и все-таки… наказывает, а чтобы ранить меня еще сильнее, отнимет ребенка. Оле, которая сразу после моего переезда поселилась со мной, раз за разом приходилось успокаивать меня по ночам. В одно из таких не самых приятных пробуждений я все ей рассказала. Девушка ничего не сказала, а просто укачивала меня, пока я громко плакала в ее объятьях. После того, как я выговорилась, мне стало легче. Но страх до конца не прошел.

Я до сих пор помню тот ужас, который сковал тело, когда

в день нашего с Русланом побега тот ударил по тормозам. Казалось, в тот момент сердце перестало биться вовсе, а дыхание навсегда меня оставило. Вот только все оказалось не так страшно. Нас просто тормознул патруль. Не знаю, с чего Руслан решил, что полицейских отправил Демид, но люди в форме даже не проверили наши документы. Стоило Руслану сказать, что он везет свою слепую девушку в больницу, ведь она упала и поранилась, нас моментально отпустили. Может, еще сыграло роль, что я показала полицейским свои руки.

Документы. Вот без них пришлось бы туго, если бы Руслан каким-то чудом не забрал у Демида мой паспорт и отправил его мне по экспресс-почтой. Благодаря ему у меня получилось зарегистрироваться в местную поликлинику и даже на работу устроиться.

Руслан сделал все, чтобы моя жизнь в его старом доме… в его родном городе была комфортной. А я даже поблагодарить его толком не могу, ведь сразу после переезда обещала не связываться с ним.

Благодаря лучшему другу мужа у меня более или менее все нормализовалось. И вот новый удар, который погнал меня в Москву.

— Ты должна была сразу обратиться ко мне, когда забеременела, — журит меня Лена, спустя несколько часов.

Подруга в белом халате и со светлыми волосами, завязанными в тугую гульку на затылке, внимательно смотрит в монитор УЗИ, пока датчиком водит по моему животу.

— Вы с Лешей были в отпуске, поэтому я и решила сходить к доктору в ближайшую к дому больницу и прогадала, — меня до сих пор трясет, стоит вспомнить Виолетту Павловну, седовласую, бесчувственную женщину-гинеколога, которая вынесла мне вердикт, что я ослепну, если рожу ребенка, поэтому должна сделать аборт.

Нет, угроза окончательно потерять зрение из-за беременности все еще висит надо мной. Но аборт? Я бы ни за что на это не пошла, но женщину мое категорическое «нет» не остановило. Она попыталась снова лишить меня ребенка уже с помощью Демида.

Лена на мое оправдание лишь качает головой.

Я ей чуть раньше рассказала историю нашего взаимодействия с предыдущим гинекологом и впервые увидела подругу в ярости. Думала, она самолично найдет Виолетту Павловну и разорвет ее на куски. Если честно, это было приятно.

— Лучше бы ты дождалась меня, — тяжело вздыхает подруга, но больше никак не комментирует мою поспешность. — Так, вроде бы, все не так уж плохо. Думаю, мы пока понаблюдаем за тобой и, возможно, я проведу наружный акушерский поворот, но сначала проконсультируюсь с коллегами и возьму у тебя все возможные анализы, — Лена откладывает датчик в сторону, кладет мне на живот салфетки, стирает с моей кожи гель. — Одевайся. Я сейчас схожу за медсестрой, чтобы та взяла у тебя кровь. Ты же ничего не ела сегодня? — выгибает бровь. Я мотаю головой, опуская платье на ноги. —

Отлично. А еще нам нужно будет обсудить твое зрение, — строго произносит Лена, из-за чего у меня все внутри сжимается.

Я прекрасно помню, каково это жить во тьме. Если в прошлый раз я потеряла зрение из-за удара головой, и это было временное явление, то с рождением ребенка могу ослепнуть навсегда. И вот это действительно жутко страшно.

— Хорошо, — кое-как выдавливаю из себя, отводя взгляд в сторону.

— Ладно, с этим позже. Сначала разберемся с ребенком, — мягко произносит Лена. — Я скоро, — выдыхает и покидает процедурную с гинекологическим креслом и аппаратом УЗИ.

Я же привожу себя в порядок и тоже выхожу. Вот только застреваю в дверном проеме. В кабинете Лены я сталкиваюсь взглядом не с подругой, а с мужчиной, которого боялась встретить больше всего на свете.

— Ты решила вернуться домой, Якорь? — хрипло произносит Демид.

Глава 2

Смотрю на мужчину, который стоит, прислонившись спиной к стене и сложив руки на груди, при этом не сводит с меня жадного взгляда.

Демид медленно скользит глазами по моему телу, начиная с ног и поднимаясь все выше и выше. На мгновение его взгляд задерживается на животе. Муж поджимает губы, а затем возвращается к моему лицу. Складывается впечатление, что Демид пытается впитать в себя каждую мою частичку, словно боится, что я исчезну, если он хоть на секунду отведет взгляд.

Я тоже не могу оторваться от него. Демид почти не изменился. Все такой же жесткий, с аккуратной щетиной на лице и холодными глазами. Он как и раньше носит черные деловые костюмы, которые идеально подобраны для его широких плеч и высокого роста. Лишь темные круги под глазами и немного осунувшееся лицо кажутся чужеродными в до боли знакомой внешности. От мужа веет морозом даже несмотря на то, что за окном лето. Этот ледяной аромат смешивается с собственным хвойно-сандаловым запахом Демида, который пропитал комнату и теперь подбирается ко мне. Стоит сделать вдох, как он заполняет легкие, душит. Поэтому я стараюсь не дышать. Грудь жжет от нехватки кислорода, мышцы горят от напряжения.

Боюсь сдвинуться с места. Вдруг спровоцирую хищника, который замер передо мной. Но в то же время я готова в любой момент кинуться к двери, если что-то пойдет не так.

Вот только Демид не пытается приблизиться. Он просто тяжело дышит и безмолвно смотрит на меня, из-за чего все сжимается. Руки дрожат, живот тянет, а сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди.

Пытаюсь собраться с мыслями, но они настолько разрозненные, что ничего стоящего не приходит в голову. Лишь один вопрос вырывается наружу:

— Как ты нашел меня? — сиплю.

Демид сводит брови к переносице. Уголки его губ дергаются в полуулыбке.

— Ты думала, что сможешь скрыться и избавиться от меня навсегда? — сужает глаза. — Нет, моя дорогая. Если я хочу кого-то найти, то сделаю это. Несмотря на то, сколько ресурсов придется потратить и как много времени на это уйдет.

Слова Демида заставляют меня содрогнуться. Волна страха поднимается из самого моего основания. Мозг судорожно соображает. Тяжело сглатываю, бросаю взгляд на дверь. Успею добежать до нее, если рвану прямо сейчас? Вряд ли. Точно не с утяжелителем в виде огромного живота.

— А если серьезно? — пытаюсь хоть как-то отвлечь хищника.

— Камеры, — хмыкает Демид. — Как думаешь, кто за-

нимается информационной защитой больницы? А метро? — едва заметно склоняет голову к плечу.

Я же едва сдерживаюсь, чтобы не ударить себя по лбу. Так вот что имел в виду Руслан, когда говорил, что Демид в Москве меня везде найдет. Муж же вместе с лучшим другом владеет центром исследования безопасности информационных технологий, у которого заключены контракты с многими государственными и частными учреждениями. Через сервера фирмы мужа проходит много конфиденциальной информации, в том числе записи с камер видеонаблюдения. Вот только мне и в голову прийти не могло, что Демид может использовать разработанную ими систему, чтобы найти меня… следить за мной.

— Зачем ты искал меня? — хватаюсь за дверной косяк, из-за обильного мыслительного процесса и напряжения, перекатывающегося по мышцам, начинает кружиться голова.

— Чтобы вернуть тебя домой! — произносит так спокойно, что я задыхаюсь.

— Я никуда не собираюсь возвращаться! — произношу твердо, даже несмотря на то, что дрожу.

В глазах Демида мелькает гневная вспышка. Меня словно током прошибает. Вот только я толком не успеваю справиться с захватившим разум страхом, а муж глубоко вздыхает, и все эмоции из его глаз стирает безразличие.

— Я так понимаю, твое зрение вернулось, — не спрашивает, констатирует.

Хмурюсь.

— Да, — не знаю, зачем подтверждаю.

— До конца? — Демид отталкивается от стены, опускает руки. Поджимаю губы, не собираясь отвечать. Но мое молчание очень красноречиво говорит за меня. Поэтому муж невесело усмехается. — Угроза ослепнуть над тобой все еще висит, верно? — шагает ко мне.

Желудок делает кульбит. Отступаю. Вот только закрыться в процедурной не успеваю — Демид настолько быстро приближается, что я моргнуть не успеваю. Муж вцепляется пальцами в дверь, которую я начинаю тянуть на себя. Останавливает ее.

— Ты беременна, Ксения! Моим ребенком. Вдобавок из-за него можешь ослепнуть. И поверь, если это произойдет, ты не справишься с ним, — бросает быстрый взгляд на мой живот. — Хотя даже если не ослепнешь, не справишься, — шепчет. Мне кажется, что под словами мужа скрывается нечто большее, но уточнить не решаюсь. А в следующий момент вовсе забываю обо всем, когда слышу: — Аборт, в любом случае, делать уже поздно, поэтому ты возвращаешься домой… со мной!

На мгновение теряю дар речи от такой безоговорочной наглости, но возможность говорить быстро возвращается ко мне вместе с возмущением:

— Я с тобой никуда не поеду. И жить с тобой не буду! Не после того, что ты со мной сделал, — демонстрирую Деми-

ду шрамы от осколков, которые появились на ладонях после того, как я пыталась сбежать от «любимого мужа».

Демид опускает взгляд на мои руки, видимо, замечает успевшие побелеть неровные полосы, потому хмурится и плотно стискивает губы. Но ничего не говорит. Просто прожигает взглядом мои ладони, словно наслаждается подтверждением страданий, которые мне из-за него давались пережить.

— Это только видимые шрамы, — убираю руки от глаз мужа, кладу их на живот, обнимая ребенка, который так не вовремя решил заявить о себе, пиная меня изнутри.

«Тише, малыш, я рядом», — говорю про себя, пытаясь успокоить нашего с Демидом сына.

— Ты боишься меня? — выгибает бровь муж.

Его вопрос застает меня врасплох. Перед глазами проносится все, что Демид со мной сделал: начиная с его измены, заканчивая желанием избавиться от нашего ребенка и «наказанием» за непонятно какой проступок.

Какой же все-таки глупый вопрос.

— А как ты думаешь? — сарказм сочится из моего голоса.

Демид не сводит с меня прищуренного взгляда.

— Правильно, бойся, — издевательски произносит он. — Но не забывай, — дергает дверь на себя. Переступает порог процедурной. — Ты все еще моя жена, Якорь, и принадлежишь мне, как и ребенок, который растет в тебе, — чеканит Демид, двигаясь на меня. Отступаю, но далеко уйти не удает-

ся. Стопа подворачивается. Боль пронзает ногу. Вскрик срывается с губ. Начинаю заваливаться, не падаю на пол лишь благодаря Демиду, который подхватывает меня за спину и прижимает мой живот к своему. Меня словно кипятком обливает. Пытаюсь отодвинуться от Демида, убраться от него как можно дальше. Но он не отпускает, наоборот, обнимает меня второй рукой, соединяя пальцы за моей спиной. Обездвиживает меня. — Поэтому даже не сомневайся, ты вернешься в наш дом, — непоколебимо заявляет муж, глядя мне в глаза, пока я пытаюсь справиться с леденящим душу страхом, природу которого не до конца понимаю. — Единственное, что я могу тебе пообещать — жить ты будешь не только со мной, — зловещая ухмылка появляется на его губах.

Муж и жена. Визуализация

Нестеровы Демид Юрьевич и Ксения Александровна, 41 год и 35 лет

С ними мы знакомы с первой части дилогии: Предатель. Не вижу нас вместе.

Поэтому предлагаю познакомиться с не менее важными героями истории: с другом главного героя Русланом и, конечно, же любовницей.

Друг мужа и... любовница. Визуализация

Островцов Руслан Геннадьевич, 41 год

Как мы знаем с первой части нашей диалогии, Руслан — лучший друг Демида. Мужчины познакомились в университете, подружились и открыли совместный бизнес. Если Демид по своей натуре больше управленец, то Руслан прекрасный программист. У них образовался идеальный рабочий тандем. Однако не только это связывает мужчин. У такой крепкой дружбы должно быть нечто большее, что удерживало настолько разных мужчин. Скоро мы узнаем, что именно)

Любовница

Пока я не буду раскрывать, кто она такая;) Но скоро мы все узнаем, а пока просто давайте на нее посмотрим.

P.s. Хочу сказать вам огромное спасибо, что продолжили читать со мной эту историю. Я вас очень ценю.

С любовью, Ари Дале

Глава 3

— Я сказала — нет! — заявляю после секундного ступора. — Мне глубоко плевать на то, с кем ты предлагаешь мне жить: с домработницей, сиделкой и даже с твоей любовницей. Я, в любом случае, никуда с тобой не поеду, — стараюсь произнести каждое слово твердо, чтобы вдолбить их в одну плохо понимающую реальность голову Демида.

Вот только почти сразу понимаю, что старалась зря. Упрямство мужа не знает границ.

Муж… теперь как никогда жалею, что не подала на развод!

Я думала об этом. Долго думала. Но, в итоге, решила, что штамп в паспорте мне не мешает, а вот стоит обратиться в суд, Демид сразу же узнает, где я нахожусь. Это того не стоило.

Зато сейчас понимаю, как крупно я просчиталась, ведь Демид все равно меня нашел. И теперь пытается утащить в свое логово, чтобы снова взять надо мной контроль.

Нет, я не жалею, что поехала на прием к Лене — ребенок важнее всего. Даже зная заранее, что встречу в кабинете гинеколога монстра из самых страшных моих кошмаров, все равно ничего не изменила бы.

Вот только теперь нужно срочно придумать, как выпутаться из передряги, в которую попала из-за своей неосторожно-

сти, и снова сбежать от мужа.

Жаль, ничего путного не приходит до того, как процедурную заполняет строгий, но в то же время мелодичный голос Лены:

— Что здесь происходит?

Сначала не могу поверить в свое счастье, а уже через секунду чуть не плачу от облегчения. Демид еще мгновение прожигает меня холодным взглядом, после чего отступает и разворачивается, при этом руку от моей спины не отнимает. Даже наоборот приобнимает меня за талию, прижимая к своему боку.

Меня аж передергивает от такого откровенного соприкосновения. Дергаюсь в сторону, но вырваться не получается, муж лишь сильнее вдавливает пальцы в мой бок. Не удивлюсь, если оставляет на коже следы.

— Добрый день, Лена. Давно не виделись, — чеканит Демид, глядя на Лену, стоящую в проходе и упирающую руки в бока.

Глаза подруги на мгновение округляются, но уже в следующее мгновение сужаются до тонких щелочек.

— Давно, и лучше бы еще столько же не виделись, — с сарказмом произносит Лена. — Прошу на выход! — отступает, освобождая проход.

Лена с Демидом пересекались всего несколько раз, и то потому, что ее муж какое-то время занимался юридическими вопросами в компании моего. Сейчас мужчины уже не

работают вместе, зато мы с Леной каким-то образом умудрились не потерять связь окончательно. И да, подруге никогда не нравился Демид. Она не забывала повторять, глядя на моего мужа: «с ним что-то не так, слишком он уж сдержанный — так не бывает». Видимо, со временем ее отношение к Демиду не изменилось.

— Ты же знаешь, я никуда не уйду, — слишком равнодушно произносит Демид, чем бесит не только меня, но и Лену.

— Уйдешь как миленький, — шипит она. — Мне нужно обсудить несколько вопросов со своей пациенткой. Ты слышал о таком понятии, как врачебная тайна? — вздергивает подбородок.

— Слышал, — хмыкает муж, а когда замечает упрямое выражение лица моей подруги, тяжело вздыхает. — Слушай, Лен, мы можем пойти по простому или сложному пути. Выбирать, конечно, тебе. Но советую все-таки последовать по простому пути: ты сейчас скажешь моей жене все, что хотела сообщить, и мы спокойно уйдем. Никто при этом не пострадает.

— И какой же сложный путь? — выплевывает Лена, краснея, явно от злости. — Огласите весь список, пожалуйста, — фыркает.

Я чувствую себя третьей лишней в их противостоянии. Толком даже сконцентрироваться на нем не удается — могу думать лишь о том, как избавиться от руки мужа, которая

сейчас играет роль оков. Отодрать от себя стальные пальцы Демида не получается, сколько бы силы я ни прикладывала. Вывернуться из железной хватки тоже, похоже, не судьба. Демид держит меня крепко, слишком крепко. А из-за огромного живота я потеряла всю свою юркость.

Муж же словно вообще не замечает моей возни у себя под боком, все также безучастно смотрит на Лену и спокойно произносит:

— Сложный путь: ты упрешься рогом, вызовешь охрану, чтобы те выставили меня из кабинета и будешь наслаждаться властью до тех пор, пока я не наберу вашего главврача, с которым у нас прекрасные отношения. В итоге, тебе либо придется пойти мне на уступки, либо ты заработаешь немало проблем, вплоть до отстранения. Поверь, если я захочу, то могу добиться даже твоего увольнения, а может еще чего похуже. И нет, твой муж-юрист ничем не сможет помочь, потому что я подниму всю твою подноготную. Докопаюсь до любой даже малейшей врачебной ошибки, которую ты совершала. Вряд ли все пациенты уходят от тебя довольными, правда? А если будет нужно, стану мелочным козлом, который раскопает такие вещи, как переходы дороги в неположенных местах или превышение скорости, и, в любом случае, испорчу твою жизнь. Тебе оно надо?

Лицо Лены вытягивается. Я замираю.

Мы обе находимся в сильнейшем шоке, только я прихожу в себя первая.

— Как ты смеешь?! — вздергиваю голову, впериваю взгляд в безмятежного мужа. — Ты совсем с ума сошел? — злость клокочет в груди в такт ударам сердца.

Демид еще секунду прожигает Лену непоколебимым взглядом, словно хочет показать, что не отступит, после чего опускает голову и сосредотачивается на мне:

— Уже давно, и что с того?

Задыхаюсь от такой наглости.

— Ты… ты… ты… — в голове настоящая каша. Приходится напрячься, чтобы попытаться вытащить оттуда хоть что-то стоящее: — Мы с Леной будем обсуждать моего ребенка. Поэтому будь добр, оставь нас наедине, — вкладываю в голос столько силы, сколько во мне только есть, но слова все равно кажутся слишком слабыми.

Наверное, поэтому Демид не воспринимает их всерьез.

— Это и мой ребенок тоже, — бесстрастно заявляет он.

— Кто тебе сказал, что он твой? — выпаливаю быстрее, чем успеваю себя остановить. И моментально жалею о своей опрометчивости, ведь в глазах Демида вспыхивает пламя ярости, которое грозит сжечь до самого основания.

Глава 4

Холодок бежит по позвоночнику. Желудок сжимается в болезненном спазме. Воздух застревает в груди.

Подсознание кричит: «Беги!», но ноги словно приросли к полу.

Все, что я могу — смотреть на Демида и молиться. Лишь бы я не перегнула палку. В последний раз, когда я разозлила… в последний раз, когда он думал, что я ему изменяю…

Дрожь волной проходится по телу, стоит вспомнить день моего побега от мужа. Если бы Руслан не помог мне скрыться, не уверена, во что бы превратилась моя жизнь. Скорее всего, я так бы и жила во тьме, страшась любого шороха. В памяти вспыхивает время, когда я совсем ничего не видела, и меня бросает в холод. Дрожь становится сильнее. И, видимо, Демид ее чувствует, потому что на мгновение прикрывает глаза, а когда их распахивает, снова становится холодным, бесстрастным.

— Ксения, не провоцируй меня, — цедит муж, так сильно вдавливая пальцы в мой бок, что мне приходится втянуть в себя воздух, чтобы не застонать в голос. Демид еще пару секунд просто смотрит на меня, а потом разворачивается к Лене. — Так какой путь ты выберешь? — спрашивает совершенно спокойно.

Лена белеет, а мне становится не по себе. Нельзя позво-

лить мужу ей навредить. Нельзя!

Вот только прежде чем я успеваю хоть что-то предпринять, подруга набирает полные легкие воздуха и расправляет плечи:

— Второй! — произносит твердо.

Я едва не роняю челюсть от ее решительности.

— Как скажешь? — пожимает плечами Демид. — И если ты меня извинишь, этап с охраной мы пропустим. Начнем сразу с вашего главного врача, — вытаскивает из кармана брюк телефон, что-то в нем ищет. Не проходит много времени, прежде чем муж прикладывает гаджет к уху, а уже через несколько мгновений произносит: — Олег Александрович, добрый день. Это Нестеров. Узнали? Прекрасно. У меня тут проблема с одним из ваших врачей. Нужно поговорить. Какая? Думаю, нам лучше обсудить ее лично. Да, буду минут через пять. Я как раз сейчас нахожусь в вашей больнице.

С каждым словом Демида глаза Лены все расширяются и расширяются, а лицо становится белее мела. Вот только подруга ничего не говорит. Никак не пытается остановить Демида. Видимо, решила противостоять ему до последнего. Я ей очень благодарна за то, что она пытается защитить мое право на конфиденциальность, но не могу позволить кому-то пострадать из-за меня.

— Остановись! — произношу тихо, но твердо, дергая Демида за край пиджака. Облизываю пересохшие губы. Тяжело сглатываю и ловлю вопросительный взгляд Лены. — Ты

можешь говорить при нем.

— Подождите минуту, — словно издалека звучит голос Демида. Или его слова заглушает стук сердца, который отдается в ушах?

Последнее, чего я хочу — чтобы муж хоть как-то участвовал в моей жизни или в жизни нашего будущего ребенка. Вот только Демид не оставил выбора не только Лене, но и мне. Уверена, его «условия» касались не только подруги, но и меня. За годы совместной жизни Демид узнал все мои слабые места и успешно на них давит.

— Ксюша… — Лена смотрит на меня с жалостью.

Качаю головой, не давая ей продолжить. Я и так знаю, что она хочет сказать:

«Ты не обязана. Не переживай за меня. Правда на моей стороне. Все будет хорошо».

Я очень счастлива, что хоть кто-то за меня заступается. Но не только Демид хорошо знает все мои черты характера. Я тоже успела изучить его чуть ли не до основания. Конечно, в последнее время муж кажется мне чужим человеком, вот только, думаю, упрямство и целеустремленность никуда не делись. Если Демид что-то вбивает себе в голову, то идет до конца, и ему плевать, кто может из-за него пострадать. Главное, получить желаемое.

Поэтому мне приходится переступить через себя, чтобы Лена не стала жертвой обстоятельств из-за того, что случайно вмешалась в наши с мужем разборки.

— Все хорошо, — пытаюсь выдавить из себя улыбку, но уголки губ отказываются подниматься. Неважно, в любом случае, это не меняет того факта, что я приняла решение. — Я тебе разрешаю рассказать все, что связано с моим состоянием Демиду, — указываю головой на мужа.

Бесполезные попытки выбраться из рук мужа тоже оставляю. Даю себе небольшую передышку. Мне еще понадобятся силы, чтобы попробовать избавиться от Демида, когда я покину кабинет врача.

— Ты уверена? — Лена дает мне шанс выбраться из западни, в которую я загоняю себя все глубже и глубже.

Как же мне хочется выкрикнуть: «Нет! Пусть охрана уведет этого монстра в теле моего мужа, который собирается сделать все, чтобы я вернулась в его логово!». Но я прекрасно помню, что на той стороне телефонного звонка все еще висит главный врач, и стоит только Демиду захотеть, у Лены возникнет куча проблем, а подруга точно их не заслуживает, поэтому я засовываю свое желание подальше, чтобы оно обжигало лишь самые дальние уголки моей души, и киваю.

— Да, — вдобавок произношу вслух так твердо, как только могу.

Лена, которая не сводит с меня внимательного взгляда, хмурится. Видимо, я звучала не очень убедительно. Но противостоять моему решению не пытается.

— Хорошо, — выдыхает она, опуская плечи. — Пройдемте в кабинет, — бросает на Демида уничтожительный взгляд,

после чего разворачивается.

— Олег Александрович, прошу прощения за беспокойство. Проблема решилась сама. Всего доброго, — спокойно произносит муж и отклоняет вызов.

Вместо того чтобы расслабиться, ведь беда миновала Лену, напрягаюсь еще сильнее. Меня не покидает ощущение, что я попалась в ловко расставленную ловушку. И все больше убеждаюсь в этом, когда Демид слишком рьяно подталкивает меня к кабинету.

Вот же… козел!

В любом случае, уже ничего не исправишь. Да и мало ли, что Демиду придет в голову, если вдруг я изменю свое разрешение. Поэтому просто выбрасываю все лишние мысли и направляюсь к Лене, которая устроилась за своим столом.

Сажусь на стул перед ней, Демид останавливается за моей спиной. Но ко мне не прикасается. Это до невозможности радует.

Лена бросает гневный взгляд за мое плечо и поджимает губы. Но не говорит ни слова, просто снова сосредотачивается на мне.

— Я посоветовалась с коллегами, они тоже говорят, что лучше всего сделать переворот, — выносит свой вердикт подруга-гинеколог. — Сразу предупреждаю, это будет малоприятно. Ладно, больно. Очень больно. Но у тебя как раз тот срок, когда можно с помощью переворота изменить положение ребенка, чтобы ты смогла спокойно его доносить и роды

прошли гладко.

Я плохо понимаю, что именно хочет донести до меня Лена. Но если это поможет моему ребенку родиться здоровым, я готова пойти на все.

— Когда? — задаю лишь один вопрос, хотя в голове их крутятся тысячи.

— В течение нескольких дней, — моментально отвечает Лена. — Мы возьмем у тебя все возможные анализы, проверим ребенка, параллельно посмотрим, как у тебя дела со зрением, и можно приступать.

— А можно назначить более точный день? — смотрю на подругу глазами лани. А когда вижу, что она выгибает идеальную светлую бровь, добавляю: — Я просто сейчас не живу в Москве. Все анализы могу сдать сегодня, проводите любые обследования, а потом мне нужно будет уехать. Но ты не волнуйся, я снова приеду, когда придут результаты.

— Забудь об этом. Ты все равно не можешь уехать, — спокойный голос Демида раздается за спиной, вызывая у меня мурашки.

— И почему же? — напрягаюсь сильнее, чем до этого.

— Потому что положение ребенка — это не единственная твоя проблема, — делает небольшую паузу. А потом как ни в чем не бывало заявляет: — Я болен, и моя болезнь может передаться нашему ребенку.

На мгновение замираю, а потом хмыкаю.

— Ну да, ну да, — кладу руки на живот, инстинктивно

защищая малыша от его собственного отца. — Ты готов сказать все, что угодно, чтобы была возможность вдоволь поиздеваться надо мной?

— Нет. Это правда, — равнодушно отвечает он.

— Хорошо, — не выдерживаю, оборачиваюсь, запрокидываю голову, чтобы заглянуть Демиду в глаза. — Если ты болен, — голосом выделяю последнее слово, — тогда почему я об этом ничего не знала? Мы были женаты десять лет!

Демид пару секунд безучастно смотрит на меня, после чего спокойно произносит:

— Потому что это было неважно, ведь я не собирался иметь от тебя детей.

***

Девочки, у меня есть отдельная книга про гинеколога, к которой обратилась главная героиня «Развод. Исправить ошибку». Если кто-то не читал и вам интересно, заглядывайте https://litnet.com/shrt/rwV9

Глава 5

Я не думала, что Демид может сделать мне еще больнее. Вот только своими последними словами муж словно заживо вырывает сердце из моей груди. Задыхаюсь от боли.

— Тогда зачем… — не договариваю, горло сводит. Тяжело сглатываю, чтобы снова обрести дар речи. — Зачем ты делал вид, что хотел ребенка? Зачем ходил со мной по врачам? Зачем находил специалистов по зачатию и вместе со мной пытался выяснить, что не так, и почему я никак не могу забеременеть? — с каждым словом агония внутри меня все усиливается и усиливается.

Мысли путаются окончательно. Пытаюсь собрать их воедино, но не получается. Такое чувство, что меня действительно ударили по голове чем-то тяжелым, и я перенеслась в параллельную вселенную, где мой муж вовсе не мой, а моя жизнь — сущий ад.

— Для твоего успокоения, — Демид пожимает плечами, окончательно выбивая из колеи.

Смотрю на мужа и почти его не вижу. Не только из-за зрения, которое и без того оставляет желать лучшего, но и из-за слез, постепенно заполняющих глаза.

У меня просто нет слов.

Я не думала, что Демид может хоть как-то еще меня задеть. Считала, что отрастила броню, которую уже никто не

сможет пробить. Но никогда так не ошибалась. Демид своим безразличием, своей бесцеремонностью разрушает стену вокруг меня, задевая раны, о которых я даже не знала.

— Нет, я, конечно, предполагала, что ты скотина, — голос Лены звучит словно из-за стекла, — но понятия не имела, что настолько. Скажи, может, ты и врачам приплачивал, чтобы они разводили руками и говорили, что понятия не имеют, почему у Ксюши не получается забеременеть, а сам противозачаточные в завтрак собственной жене подсыпал?

Предположение подруги звучит слишком бредово, но стоит мне увидеть, как ожесточается лицо Демида, когда он поднимает голову и смотрит на Лену, у меня все внутри ухает вниз.

Подруга попала в точку. Но с чем именно?

Жаль, узнать этого не получается, потому что Демид подхватывает меня под локоть, резко поднимая со стула, при этом беспрекословно заявляет:

— Похоже, нам лучше найти специалиста, который знает, что такое врачебная этика и умеет соблюдать границы. Мы уходим! — разворачивается и дергает меня в сторону выхода.

Невольно делаю шаг, чтобы не упасть и не проехаться по полу носом или, что еще хуже, завалиться на живот. А уже в следующий миг торможу пятками.

— Я никуда не пойду! — голос звучит твердо, хоть и сипит.

Шмыгаю носом, после чего глубоко вздыхаю и расправляю плечи. Всем своим видом показываю, что не собираюсь потакать требованиям мужа.

Демид застывает, а уже через мгновение оглядывается через плечо, прожигает меня предупреждающим взглядом, брошенным через плечо.

— Ксюша, неужели ты не хочешь найти более компетентного врача? — снова давит на больное.

Вот только на этот раз ему меня не прогнуть.

— Компетенция Лены меня вполне устраивает! — пытаюсь вывернуть руку из хватки мужа, но он и в этот раз решает продемонстрировать свою силу, власть надо мной.

Вот только последнего у него точно нет, поэтому я заглядываю в глаза Демида, которые сейчас кажутся черными, хотя раньше были необычно темно-зеленого цвета.

— Если тебе что-то не нравится, можешь идти, выход прямо перед тобой. Просто скажи, чем ты «болен», и можешь валить на все четыре стороны, — снова дергаю руку на себя.

На этот раз Демид ее отпускает. Но вместо того чтобы убраться из моей жизни, разворачивается и складывает руки на груди.

— Нет, моя дорогая. Мы либо во всем этом вместе, либо ты столкнешься с немалыми трудностями, когда ты родишь его, — взглядом указывает на мой живот. Кривится.

Ловлю ртом воздух.

Демид действительно сейчас шантажирует меня здоро-

вьем нашего ребенка? Угрожает?

Нет. Не может быть. Мне же показалось?

— Ксюш, не переживай. Мы разберемся, — не замечаю, как Лена подходит к нам, поэтому вздрагиваю, услышав ее голос рядом и легкое прикосновение к плечу. — Проведем все необходимые анализы. Если нужно, собираем анамнез. А он пусть убирается восвояси.

— Не лезь не в свое дело! — рявкает Демид, да так громко, что я вздрагиваю. — Ты понятия не имеешь, что происходит, — цедит сквозь стиснутые зубы, при этом смотрит на Лену яростно, со звериным блеском в глазах. Не сомневаюсь, еще чуть-чуть и муж бросится на подругу, свернет ей шею голыми руками.

— Хватит! — встаю прямо перед Демидом, заглядываю ему в глаза. — Я не позволю мною манипулировать. И Лену в наши разборки тоже втягивать не надо, — тяжело сглатываю. Пытаюсь успокоиться, прежде чем произнести: — Если ты хоть чуточку когда-нибудь меня любил, то скажешь мне прямо сейчас, что не так с моим ребенком.

Муж вглядывается в мои глаза, словно пытается понять, действительно ли я думаю то, что говорю. А когда убеждается, что я не пытаюсь его прогнуть с помощью грязных манипуляций, к которым прибегает он, хмыкает.

— Я люблю тебя, поэтому не могу позволить совершить самую большую ошибку в твоей жизни, — произносит так проникновенно, что мне становится не по себе.

Демид действительно верит в то, что говорит. И, зная его, пойдет на все, чтобы достигнуть желаемого. Ему плевать, что наш ребенок может пострадать. Ну да, Демид же его никогда не хотел. Даже избавиться пытался.

Машинально кладу руку на живот, глажу малыша кончиками пальцев. Я обещала своему ребенку, что защищу его несмотря ни на что. И уже через столько всего прошла. Неужели отступлю перед еще одной трудностью? Нет! Этого ни в коем случае нельзя допустить. Тем более если Демид действительно болен. И его «болезнь» может передаться ребенку.

— Что тебе нужно? — каждое слово, которое я выдавливаю из себя, кажется чужеродным.

— Я уже говорил: мне нужно, чтобы ты была со мной, мой Якорь, — моментально заявляет муж, словно только и ждал этого вопроса.

— Даже несмотря на то, что я тебя ненавижу? — сейчас как никогда чувствую, насколько Демид мне противен.

Я думала, что муж достиг дна, когда «наказывал» меня незрячую. Нет. Постучались снизу.

— Мне плевать, что ты ко мне чувствуешь, лишь бы ты была моей! — черты лица Демида заостряются, а в глазах сверкает непоколебимость.

— Скажи, что ждет малыша, тогда я подумаю над твоим предложением, — пытаюсь увиливать, как только могу.

Но перед мной хищник, который с каждой секундой заго-

няет меня в ловко расставленную ловушку. И следующие его слова это только подтверждают.

— Уверена? Вернешься ко мне? Добровольно? — Это сарказм прослеживается в голосе мужа?

— Я сказала, что подумаю! — делаю шаг назад и во что-то врезаюсь.

— Меня это не устраивает. Ты едешь со мной сейчас же! — он протягивает руку.

— Сначала говори! — пытаюсь еще отступить, но снова на что-то натыкаюсь.

Краем глаза замечаю какое-то движение. Лена хочет вмешаться? Нет! Этого нельзя допустить! Не тогда, когда Демид надвигается на меня и больше напоминает бешеного зверя, чем человека.

Выставляю руку в сторону, надеясь, что подруга поймет намек. Сама же не отвожу взгляда от хищника, который нависает надо мной, смотрит на меня сверху вниз.

— Нет, моя хорошая, здесь условия ставлю я! Сначала мы едем домой, чтобы решить, как именно задокументировать наши договоренности, — уголок его губ приподнимается, в глазах мелькает победный блеск.

Он знает, что выиграл? И растерянный вопрос, который вылетает из меня на выдохе, только подтверждает:

— Что?

— Не думала же ты, что я поверю тебе на слово после того, как ты обещала любить меня вечно несмотря ни на что,

а потом бросила? — выгибает бровь. — Нет, Якорь, на этот раз просто штампом в паспорте ты не отделаешься. Наши отношения перейдут на новый уровень!

— Ты же понимаешь, что никакие бумажки и угрозы не помогут тебе удержать меня рядом с тобой? — сердце так гулко бьется в груди, что я почти не слышу своих же слов. Но все равно продолжаю говорить: — Как только я узнаю, что с ребенком, снова уйду. Я больше не такая уж и жалкая. А еще могу видеть. Поэтому что бы ты ни включил в свои писульки, я все равно уйду. Ну либо тебе придется меня запереть.

— Не придется, — коварная ухмылка касается губ моего мужа. — Есть кое-что, что удержит тебя рядом со мной, — опускает взгляд на мой живот. — Не хочешь по-хорошему? Давай по-плохому, — лицо Демида ожесточается. — Как насчет такого условия: либо ты остаешься со мной, и мы вместе растим ребенка, каким бы он ни был, либо… я заберу его у тебя! Слепая мать или дееспособный, способный дать малышу все необходимое, отец, — как думаешь, с кем оставят ребенка?

Глава 6

— Добрый день. На автовокзал, — произношу, полностью обессиленная забираясь в такси. — Нужно возвращаться домой, — бормочу под нос, когда машина трогается с места.

За окном уже темно, а я чувствую себя так, словно меня перемололи в мясорубке. Осмотры у врача, миллиард разных анализов, одна сплошная неопределенность — все это вымотало меня до основания.

До сих пор сложно осознать, что всего за один день могло произойти столько всего. Но больше всего на мое полуобморочное состояние повлияла, конечно же, встреча с мужем.

У меня словно почву из-под ног выбили, когда я увидела Демида. А то, что он говорил… какие условия мне ставил, все это просто не укладывается в голове.

Благо, ему кто-то позвонил, и он ушел, напоследок заявив, что мне повезло и у меня есть время подумать. Хорошо, что в тот момент я находилась в кабинете врача, потому что стоило двери за мужем захлопнуться, как вся стойкость покинула меня, и я едва не осела на пол, а слезы потоком полились из глаз.

Лишь благодаря тому, что Лена подхватила меня и снова усадила на стул, а потом дала мне выпить что-то останавливающее накатывающую истерику, стало легче.

Когда всхлипы перестали срываться с моих губ, мы с Ле-

ной пришли к выводу, что Демид с помощью своей «болезни» просто пытается удержать меня рядом. Он же понимает, что я не пойду с ним добровольно, а ради ребенка готова на все. Буквально на все. Я даже слепая сбежала от Демида, чтобы защитить малыша.

Вот только сколько бы я ни пыталась убеждать себя в том, что странная непонятно откуда взявшаяся болезнь — просто выдумка Демида, червячок сомнения не перестает жрать меня изнутри.

Демид никогда мне вот так откровенно не врал. Да, он изменился, причем в худшую сторону, вот только вряд ли стал бы нарушать одни из своих главных принципов: «Зачем лгать, когда можно в качестве оружия использовать правду?».

Но разве я могла столько лет жить рядом с человеком и не знать о его болезни?

Нет, Демид никогда не был обычным человеком. Его холодность, отстраненность и иногда даже безразличие ко всему происходящему пугали и восхищали одновременно. Я всегда хотела иметь такую «стрессоустойчивость» как у него. Наверное, благодаря ей, у мужа получилось вырастить успешный бизнес с нуля и поддерживать его не то, что на плаву, а на высоте в довольно непростых условиях.

Хоть они с Русланом являются равноправными учредителями. Но друг мужа больше «мозг» и «рабочие руки», ведь занимается техническими моментами. А вот Демид — как

раз «лицо компании». Он заключает контракты, общается с политиками, выбивает инвестиции и госконтракты. При чем все это делает так легко, что в желтой прессе ходили слухи, будто он внебрачный сын президента. Мы, когда увидели эту новость, долго смеялись, но сам факт.

Разве «больной» человек мог бы достичь таких высот, как Демид?

Нет. Вряд ли. Болезнь бы помешала. Да и здоровье у Демида, насколько я знаю, отменное.

Но что-то тут явно не так.

Единственное, что я знаю точно — Демид словно с катушек слетел, а от моего заботливого любящего только меня мужа не осталось и следа.

Угроза отнять у меня ребенка… это уже перебор. Особенно после того, как Демид явно показал, что малыш ему не нужен.

«Я не собирался иметь от тебя детей», — словно на повторе звучит в голове, причиняя невообразимую боль.

Кажется, словно с каждым словом мое и без того разорванное сердце раз за разом рвется на еще более мелкие части.

От миллиарда мыслей, которые не оставляют меня ни на секунду, начинает ужасно болеть голова.

Поэтому тяжело вздыхаю, накрываю ладонями живот, откидываю голову на спинку сидения и прикрываю глаза, надеясь хоть немного расслабиться. И, видимо, мой организм

настолько истощился, что я сама не замечаю, как начинаю дремать.

Хорошо, хоть глубоко не засыпаю, поэтому как только машина останавливается, разлепляю веки.

— Приехали? — пытаюсь сфокусировать взгляд на водителе.

Едва мне удается это сделать, как дверца с моей стороны распахивается.

— Время вышло, — голос Демида врывается в салон, а следом появляется и он сам.

Корпусом забирается в автомобиль, быстрым щелчком отстегивает мой ремень безопасности, засовывает одну руку мне под колени, вторую — под спину.

Я толком ничего ни предпринять не успеваю, ни испугаться даже, как оказываюсь на прохладе улицы.

— Что… что ты делаешь? — хватаю ртом воздух, когда понимаю, что Демид движется в сторону нашего дома.

— Я решил помочь тебе принять верное решение, — хмыкает муж, стремительно сокращая расстояние до подъезда.

Я же нахожусь в настолько глубоком шоке, что мне требуется время, чтобы прийти в себя. Но стоит мне хоть немного начать соображать, из меня вырывается крик:

— Помогите! Спасите! Меня похищают!

Сердце так гулко стучит в груди, что, мне кажется, оно вот-вот покинет бренное тело. А стоит мне начать возиться, вообще пропускает удар, ведь теряю равновесие. Хватаюсь

за шею мужа, моментально вспоминая о своем «утяжелителе», о котором на мгновение забыла.

— Кричи сколько угодно, ты же знаешь, что все здесь в курсе, что мы муж и жена? — весело усмехается Демид. — Я уже предупредил охрану, что мы немного поругались. И я просто пытаюсь вернуть беременную жену, — опускает голову и подмигивает мне.

Задыхаюсь от такой наглости. А стоит нам подойти к двери, вообще дар речи теряю, ведь она тут же распахивается, и я вижу пожилую консьержку, которая придерживает ее для нас.

Муж беспрепятственно заходит в холл, а потом в лифт. Никто — ни охранник, ни соседи, ни та самая консьержка — не пытается его остановить, хотя я раз за разом повторяю:

— Пусти меня! Я не хочу возвращаться! Ты не можешь меня заставить жить с тобой!

Единственное, что не делаю — не пытаюсь вывернуться из рук мужа, боюсь, что из-за смещения центра тяжести навернусь и упаду прямо на живот.

Видимость моего сопротивления никак не препятствует мужу занести меня в лифт и подняться на нужный этаж.

— Зачем тебе все это нужно? — спрашиваю, когда Демид, аккуратно ставя меня на ноги, открывает дверь квартиры.

Муж игнорирует мой вопрос, с силой подталкивая меня внутрь. Под его напором мне приходится переступить порог. Демид заходит следом, закрывая за собой дверь и бесцере-

монно заявляя:

— Добро пожаловать домой, дорогая.

Начинаю поворачиваться, чтобы повторить вопрос прямо ему в лицо, но застываю, краем глаза замечая какое-то движение.

— Демид, ты вернулся? — раздался мелодичный женский голос, а за ним в коридоре появляется… блондинка.

Мышцы напрягаются. Желудок сжимается. Нервные окончания начинают гудеть. В голове набатом отбивается мысль: «Демид не мог этого сделать».

— Познакомься, это Альбина, и она будет жить с нами, — словно издалека до меня доносится голос мужа, пока я не могу отвести глаз от девушки, которая недовольно и как-то даже ревниво осматривает меня.

— Ты решил поселить меня со своей любовницей? — неверяще шепчу, наконец видя то самое лицо, которое раньше оставалось для меня всего лишь тенью.

Глава 7

Не могу оторвать глаз от девушки передо мной.

Высокая, худощавая, в джинсовых шортах и белой майке на тонких бретельках. Длинные блондинистые волосы завязаны в высокий хвост, а на миловидном лице ни грамма макияжа. Выглядит любовница мужа очень по-домашнему. Если бы не стервозный взгляд, которым она меня одаривает, ее можно было бы назвать даже милой.

«Как долго она тут живет?» — всплывает в голове вопрос, который заставляет мышцы еще больше натянуться.

Черт, похоже, я задаю его вслух, потому не проходит и мгновения, как над ухом раздается хриплый шепот:

— А тебя это волнует? — Демид кончиками пальцев проходится по моей спине, заставляя меня отшатнуться.

По телу словно тысячи электрических разрядов пускают. Сердцебиение разгоняется. Дыхание сбивается.

— Не прикасайся ко мне, — бросаю уничтожающий взгляд через плечо.

Демид лишь приподнимает уголок губ. Его забавляет мое сопротивление, да? Вот же…

— Демид, что здесь происходит? — капризно спрашивает его любовница.

Ее требовательный тон проходится наждачкой по моим нервам. А когда я сосредотачиваюсь на Альбине, вижу, что

она складывает руки на груди и вздергивает подбородок.

— Я забыл тебе сказать, что моя жена возвращается домой, — как-то совсем пренебрежительно произносит муж, словно его не волнует мнение любовницы вовсе.

Глаза Альбины после заявления Демида широко распахиваются.

— Ты же не серьезно? — неверяще спрашивает она, опуская взгляд на мой живот. Тут же накрываю малыша ладонями, пытаясь защитить ото всех на свете, а не только от девушки, у которой на лице отображается легко считываемое отвращение. — Это твой? — выгибает бровь Альбина, снова отдавая все свое внимание Демиду, все еще стоящему за моей спиной.

— Да, — чеканит муж.

— Твою же мать, — выплевывает любовница. — И почему я об этом, — указывает подбородком на растущего во мне малыша, — ничего не знала? — недовольно поджимает губы.

— По-моему, это тебя не касается, — судя по гневным ноткам, прозвучавшим в голосе мужа, ему не сильно нравится допрос.

— А по-моему, как раз касается! — не сдается Альбина.

— Хватит! — отступаю в сторону. С меня довольно! Поворачиваюсь так, чтобы видеть не только любовницу — просто на всякий случай, — но и мужа. — Я тебе уже говорила, что не собираюсь возвращаться! Не понимаю, чего ты так в меня вцепился, у тебя ведь есть вполне достойная замена,

— последние слова произношу со всем сарказмом, который мне только присущ.

Муж, щурясь, смотрит на меня, после чего усмехается.

— Ревнуешь? — насмешливо спрашивает, чем вышибает из меня воздух.

Такой самонадеянности я еще не видела.

— Да мне плевать на тебя! Ты еще не понял? — стараюсь каждое слово произнести максимально твердо. — Уйди с дороги, я ухожу! — делаю шаг к двери.

Не знаю, на что надеюсь.

Демид ожидаемо не сдвигается с места.

— Ну и куда ты пойдешь? — смотрит на меня бесстрастно. — На дворе ночь. Вряд ли автобусики в твой Мухосранск еще ходят. Будешь на улице ночевать?

Последний вопрос Демида почти не слышу, мозг концентрируется на том, что он сказал до этого. Горло перехватывает. Холодок бежит по позвоночнику.

— Ты все это время знал, где я находилась? — голос совсем не похож на мой, настолько безжизненным кажется.

Демид сводит брови к переносице, смотрит на меня внимательно.

— Нет, — заявляет, глядя мне в глаза.

— Тогда откуда…?

Мне не удается договорить, муж, кажется, понимает меня с полуслова.

— Ну и где ты еще могла отсиживаться? Только в ка-

ком-нибудь Мухосранске. Иначе бы я тебя давно уже нашел, — качает головой. — Все. Достаточно, — оборачивается, а буквально через секунду раздается звук поворачивающегося в замочной скважине ключа. После чего Демид снова сосредотачивается на мне. — Хватит строить из себя сильную и независимую. Ты все еще моя жена, и я несу за тебя ответственность. Сегодня ты остаешься здесь, а завтра… — муж прерывается, какое-то время просто смотрит мне в глаза, а потом добавляет: — мы пообщаемся, — еще пару секунд не двигается, после чего демонстративно засовывает ключ в карман брюк и направляется вглубь квартиры.

Вот только далеко уйти ему не удается, Альбиночка преграждает ему путь.

— То есть, мое мнение тебя не волнует? Я, вообще-то, тут тоже живу, — ее откровенный капризный тон раздражает меня до самого основания.

Приходится стиснуть зубы, чтобы не ляпнуть лишнего. Вмешиваться в новые «отношения» моего мужа — последнее, чего хочется.

— Я же знаю, что ты никуда не денешься, — хмыкает Демид, после чего просто отодвигает свою любовницу в сторону и продолжает движение. — Я в душ. Как успокоишься, приготовь ужин, — бросает через плечо, непонятно к кому именно обращаясь.

Находясь в полнейшем ступоре, смотрю в спину удаляющемуся Демиду и ничего не понимаю.

Он же не думает, что я действительно буду жить с ним и его любовницей? Похоже, да. Именно так он и думает. Как Демиду этот бред мог прийти в голову?

Ответ на последний вопрос мне найти не удается, ведь все лишние мысли улетучиваются, когда я краем глаза улавливаю движение, а уже через мгновение Альбина останавливается напротив и снова осматривает меня оценивающим взглядом. Задерживается на моем животе, едва слышно фыркает и заглядывает мне в глаза.

— Так вот ты какая, Ксения, — любовница мужа тянет каждое слово. — Мне жаль, что нам не удалось познакомиться при прошлой встрече — все-таки положение было не очень удобным, — усмехается, явно намекая на панорамные окна. — Но, похоже, у нас появился второй шанс, и этот раз нам удастся пообщаться довольно… плотно, — коварная ухмылка растягивается на ее губах и резко спадает, а в глазах девушки мелькает ледяной блеск. — Если ты, конечно, не заберешься обратно в ту дыру, из которой вылезла! Этим окажешь услугу не только мне, но и Демиду.

Глава 8

Наглость девицы поражает меня до самого основания.

Мало того, что она живет с чужим мужем, так еще и смеет предъявлять претензии его жене. Удивительное бесстыдство.

Ну уж нет! Я никому не позволю измываться надо мной, тем более дамочке, которая только и умеет, что ноги раздвигать.

Расправляю плечи.

— Я бы с удовольствием, — хмыкаю. — Откроешь? — выгибаю бровь и указываю головой на запертую дверь.

Видимо, Альбина не ожидала от меня подобной сговорчивости, ведь ненадолго теряется, но не проходит много времени, прежде чем она сужает глаза.

— За дуру меня держишь, да? — шипит, делает шаг вперед.

Не знаю, чего именно добивается любовница мужа. Возможно, хочет меня запугать, либо же показать, что у нее есть власть надо мной, но планы девушки летят прахом, ведь я вместо того чтобы прогнуться и отступить, прирастаю к полу. Смотрю прямо в глаза Альбине, давая понять, что ей не выиграть.

Но мне этого оказывается недостаточно, поэтому не могу себя остановить и произношу:

— Да.

Рот Альбины приоткрывается, а уже через мгновение она его захлопывает с громким стуком.

— Ах ты… — она буквально нависает надо мной.

Мне приходится призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не сдвинуться с места.

Внутри все бурлит от негодования и прожигающего насквозь отвращения.

Понятия не имею, откуда нахожу в себе силы сохранять самообладание. Скорее всего, дело в том, что я жутко устала и на очередное противостояние не хватает сил, ведь единственное, чего я сейчас хочу — просто найти горизонтальную поверхность и наконец отдохнуть после тяжелейшего дня.

Вот только, похоже, в ближайшее время моему желанию не осуществиться, поэтому я пытаюсь хоть немного снизить напряжение. Мне достаточно противостояния с мужем, схватки с его любовницей я не вынесу.

— Послушай, мне плевать, что связывает тебя и моего мужа. Возвращаться к нему я не собираюсь, поэтому можешь не вставать в стойку, охраняя свою территорию, — тонко намекаю на то, какая Альбина сука, но она, видимо, этого не понимает.

Всего лишь поджимает губы и вглядывается в мои глаза. Не знаю, что за мыслительный процесс происходит в ее голове, вот только, в итоге, девушка выдает совсем не то, что

я ожидаю:

— И ты думаешь, я в это поверю? — фыркает. У меня глаза лезут на лоб. — Наверняка, ты поняла, что со своим... отпрыском сама не справишься, поэтому и приползла на коленях к Демиду. Хочешь, чтобы он решил все проблемы, которые ты создала не только себе, но и ему, да? И стоил того твой побег? Зачем это вообще было нужно? Свой гонор решила показывать? Или, может быть, значимость свою в глазах мужа решила так повысить? — закатывает глаза.

Хмурюсь. Что-то в словах девушки меня настораживает, но я не понимаю, что именно, поэтому решаю уточнить:

— О чем ты?

— Ой да ладно, не строй из себя невинную овечку, — Альбина все-таки отходит на шаг назад, складывает руки на груди. — Ставлю на то, что до тебя дошло, сколько будет проблем с твоей диточкой, особенно после того, как ты ослепнешь. Вот ты и прискакала козочкой, получая, что можно возложить их на бедного Демида, у которого и без того полно проблем, — столько яда льется изо рта Альбины, что я едва не упускаю суть сказанного ею.

Но, видимо, доля здравомыслия у меня осталась, раз мне удается вычленить самое важное из потока желчи, брызгающего из девушки.

— Ты знаешь, чем болен Демид? — произношу с придыханием.

Сердце пропускает удар. Стараюсь даже не моргать, глядя

на любовницу мужа, чтобы не упустить даже доли эмоций на ее лице, поэтому отчетливо вижу мелькнувшее на нем удивление.

— А ты нет? — Альбина чуть склоняет голову набок. Краска тут же приливает к моему лицу и отвечает за меня. Широкая ухмылка расплывается на лице девушки. — Ну и какая из тебя жена, раз ты не знаешь таких важных вещей о своем муже? Из-за этого он тебя бросил, да? Потому что ты его жизнью совсем не интересовалась? А может быть, и в постели не удовлетворяла? Да-а-а! Точно! Поэтому он ко мне переметнулся, — начинает весело хихикать, свысока глядя на меня. — Знаешь, сначала я испугалась, когда увидела тебя, да еще и пузом, но сейчас все поняла, — широко улыбается. — Думаю, Демид как раз из-за пуза тебя и привел. Он же понимает, что его немощная женушка не справится с такой ответственностью, — качает головой, не сводя с меня самодовольного взгляда. — А знаешь, — уголки ее губ ползут вверх, — оставайся, — делает мне одолжение. — И чтобы от тебя хоть какая-то польза была, займись домашними делами. Приготовь ужин, как велел Демид, — насмешливые искорки пляшут в ее немного расплывчатых глазах. — А я пока займусь действительно важным делом, — заявляет, после чего переходит на шепот: — Демидом, — подмигивает мне, а уже через мгновение разворачивается и направляется к лестнице, ведущей на второй этаж.

Глава 9

Чувствую себя так, словно меня изваляли в грязи. Нет, хуже. Утопили в болоте из пренебрежения, желчи и ненависти.

Даже после того, как Демид меня «наказал», мне не было так противно.

Не знаю, что хуже. То, что муж оставил меня со своей любовницей, хотя несомненно догадывался, к чему приведет наше столкновение — к противостоянию и попыткам меня унизить, которые, кстати, увенчались успехом. Либо то, что какая-то любовница знает о Демиде настолько важные вещи, о которых я ни сном ни духом. Это действительно ранит, а еще… пугает до чертиков.

Если раньше у меня была хотя бы маленькая, но все-таки надежда, что Демид выдумал историю с болезнью, чтобы потрепать мне нервы и удержать рядом, то сейчас понимаю, что зря себя тешила.

По-прежнему стою в коридоре, отчетливо ощущая, как страх холодными мурашками покрывает мою кожу.

Кладу резко заледеневшие ладони на живот. Пальцы подрагивают, осознание начинает постепенно накрывать меня с головой.

Мой малыш… Мой долгожданный ребенок не в порядке.

Эта мысль приводит меня в форменный ужас.

Восемь долгих месяцев я жила со страхом ослепнуть

окончательно, но меня поддерживало лишь понимание, что мой малыш в любом случае будет здоровым и счастливым.

Зато сейчас я чувствую, как земля уходит из-под моих ног.

Демид…

Он врал мне все десять лет!

Раз за разом повторял, что любит, но при этом врал.

Обнимал меня, целовал, иногда даже носил на руках, но при этом врал.

Называл меня своим Якорем — и врал!

Зато своей любовнице все сразу же выложил. А я, которая ношу его ребенка… малыша, находящегося под угрозой, должна теряться в догадках.

Какая болезнь у моего мужа?

Может быть, у него наследственные проблемы с сердцем? Рак? Альцгеймер? Паркинсон? Что-то… психиатрическое? Что там еще бывает?

Господи, все кажется каким-то бредом! Демид всегда был здоровым адекватным мужиком. Он может спокойно и вагоны разгружать, и часами сидеть на месте, изучая различные документы. Не говоря уже о том, что он создал успешную компанию с нуля, никогда не жаловался на самочувствие и даже усталость старался не показывать.

Да, иногда запирался в себе, становился отстраненным, но быстро приходил в норму, стоило мне просто прийти к нему и обнять.

Поэтому сейчас даже в голову ничего не приходит, когда я думаю о том, что такое страшное может случиться с моим малышом. Отчего безысходность еще глубже проникает в мою исполосованную душу.

Что может передаться моему ребенку? Что?!

Дыхание застревает в груди. Я думала, что прошла все стадии горя, приняла неизбежное. Но сейчас меня накрывает новой волной отчаяния.

Не знаю, что делать. Чувствую себя такой потерянной, что стоять ровно не могу. Чуть отклоняюсь назад и ощущаю твердую холодную поверхность. Стена? Неважно. Главное, что мне удается на нее опереться. Хотелось бы еще сползти по ней на пол, подтянуть к себе колени, обнять их и раскачиваться, раскачиваться, раскачиваться. Но не позволяю себе окунуться в безнадегу окончательно. В этом немаловажную роль играет мой огромный живот. Я потом попросту не встану.

«Руслан!» — озарение вспышкой проносится в голове, стоит мне на секунду отвлечься от страданий.

Да, мне нужен Руслан!

Он точно должен знать, что не так с Демидом. Руслан же лучший друг моего мужа.

Не помня себя, судорожно забираюсь в скрытый карман платья, достаю телефон… черт, сел!

Зарядка? Где она?

Была же в сумке. Оглядываюсь по сторонам и… не вижу

ее. Черт, я же не забрала сумку из такси.

А это точно было такси? Твою же мать! И как мне теперь найти сумку? А впрочем, сейчас неважно. Главное, добраться до Руслана. И я это вполне могу сделать пешком. Он же живет в парк-доме от нас.

Ага, а как я из квартиры выберусь?

Демид же запер дверь и засунул ключ в карман брюк.

Стоп! Он же в душ пошел. А что если…?

Стоит этой мысли сформироваться в голове, как я тут же отталкиваюсь от стены и, ковыляя, направляюсь к лестнице. Не позволяю себе ни о чем лишнем думать. Концентрируюсь на цели. Сынок своей пяточкой толкает меня в живот, как бы призывая идти быстрее.

Со всей возможной мне скоростью преодолеваю коридор и пересекаю гостиную.

Хотелось бы взлететь по лестнице, но из-за живота едва поднимаюсь по ступеням, при этом превозмогая себя и задыхаясь. Но не останавливаюсь, пока не достигаю второго этажа и, тяжело дыша, иду в нашу с мужем спальню.

Не знаю, почему выбираю именно эту комнату. Муж вполне мог выбрать любую спальню из тех, находящихся на втором этаже. Действую интуитивно, и не ошибаюсь, когда переступаю порог спальни, которая преследовала меня в кошмарах.

Застываю у входа, не потому что страх из воспоминаний проникает в разум, хотя и он играет свою роль. Нет, дело в

том, что натыкаюсь взглядом на приоткрытую дверь ванной и вижу выходящую из душа парочку.

Альбина буквально висит на Демиде. А его пальцы крепко сжимают ее талию.

Они оба обнаженные и… влажные.

— Демид, — задыхаясь, произносит девушка и… проводит языком по шее моего мужа.

Глава 10

Сердце больно колит. Горло сводит. Глаза жжет.

Мне больно. Очень больно.

Не потому что своими глазами вижу измену мужа — это мы уже проходили, а из-за прошлого, которое нас до сих пор связывает. Не понимаю, как человек, которого я любила всем сердцем… который заботился обо мне… который был моим всем, мог предать меня. Да еще и так жестоко, бесцеремонно.

Демид же знает, что я нахожусь в этом доме. Сам запер меня здесь. Но не гнушается в моем присутствии развлекаться с другой.

Видимо, муж сменил свой якорь. Только зачем ему старый? Ведь, похоже, по его мнению, он… заржавел и не пригоден к использованию. Тогда почему он просто меня не отпустит? Почему?

Очень хочется расплакаться, но я не позволяю ни слезинке сорваться с моих ресниц. Лишь зажмуриваюсь, чтобы больше не видеть раздирающую душу картину. Мне уже должно было стать легче. Должно же? Почему же тогда так больно? Не понимаю.

Взмахиваю волосами. Малыш снова толкает меня изнутри, напоминая о себе и как бы говоря «нам пора».

Да, мой сынок прав. Плевать, чем занимается его папоч-

ка! Сейчас ничего не важно, кроме моего ребенка, которому нужна помощь!

Так тихо, как могу, разворачиваюсь на пятках. Щурясь, прохожусь взглядом по пространству до боли знакомой спальни — даже в полутьме и с плохим зрением вижу, что в ней ничего не изменилось.

Те же бежевые стены.

Тот же комод. А над ним висит телевизор.

Те же двери в ванную и гардеробную с разных сторон от комода.

Та же огромная кровать, на которой муж оставил меня униженную и беспомощную в прошлый раз.

Последнее, чего я хочу — смотреть на нее, не говоря уже о том, чтобы приближаться к ней, но взгляд цепляется за что-то черное, небрежно брошенное на бежевое покрывало.

Штаны? Это же они?

Щурюсь, силясь рассмотреть, нужный ли это предмет или все-таки нет.

Точно не могу сказать. Не вижу. Вот только надежда крылышками бабочек все равно начинает порхать в груди. Тяжело сглатываю. Тру кончики пальцев, чтобы унять пульсацию в них. На цыпочках, немного неуклюже, направляюсь к кровати, параллельно вспоминая, что произошло в этой ужасной комнате. Ладони начинают жечь, напоминая мне о шрамах. Осколков больше на полу нет, но я все равно стараюсь ступать как можно аккуратнее. Ведь до сих пор чувствую

боль, страх, отчаяние, испытанные восемь месяцев назад. Паника постепенно захватывает разум, не давая мне взять себя в руки. Происходящее в соседней комнате тоже не помогает.

— Демид! — голос Альбины звучит настойчивее, а ощущается словно скальпель, воткнутый в сердце.

Впиваюсь зубами в нижнюю губу, пытаясь сдержать рвущиеся наружу всхлип.

Вроде бы получается.

Но не проходит и мгновения, как раздается какой-то грохот, за ним слышится сдавленный женский стон.

— Демид, — призывно тянет любовница мужа.

Судорожно втягиваю воздух, но не останавливаюсь.

Каким-то чудом без происшествий добираюсь до кровати.

Да! Да! Да!

Я не ошиблась! Это действительно одежда мужа. Видимо, он разделся в комнате, прежде чем пойти в душ.

Дрожащими руками подхватываю брюки. Судорожно ощупываю их. Через ткань натыкаюсь на что-то твердое. Забираюсь в карман и…

— Какого хрена?! — рев заполняет комнату. Поворачиваю голову, сразу же натыкаюсь взглядом на обнаженного Демида, стоящего в дверном проеме ванной. За ним мелькает голова Альбины. — Вы, блядь, что ли сговорились за моей спиной?! — Демид во мгновение ока звереет.

— Что? — раздается испуганный голос Альбины. — Нет!

Ты же знаешь, я бы никогда. Это все она… Она все подстроила!

Глава 11

— Чего? — вырывается из меня.

Брюки выскальзывают из моих пальцев, пока я в шоке смотрю на обнаженного мужа и маячащую за его спиной девушку. Радует только то, что я не вижу ее «прелести». Мне только их не хватало.

— А что такое? — Альбина впивается в меня самодовольным взглядом, выгибает бровь. Влажные блондинистые пряди прилипли к ее лицу. Но это ни на секунду не избавило ее от гонора, который она не стесняется показывать. — Я тебе сказала, что пойду составлю компанию Демиду! Вот ты и решила меня подставить из-за ревности. Я разгадала твой коварный план? — брезгливо кривится, зато в ее глазах светится самый настоящий вызов.

— Я ничего такого не делала! — выпаливаю. Из меня рвется что-то наподобие: «я просто хотела уйти», но вовремя прикусываю язык. Не нужно, чтобы Демид знал, что я собиралась сделать. Хотя, думаю, он и сам догадается.

— Ну да, ну да, — хмыкает Альбина. — Даю руку на отсечение, что ты мне таким образом отомстить пыталась. Но забыла, что у нас с Демидом куда более близкие отношения, чем у вас были когда-то.

— Да плевать мне на то, какие у вас отношения! — выпаливаю на одном дыхании. Но почему же тогда мой голос

звучит настолько жалко? Господи, нужно брать себя в руки. Мне есть о чем волноваться, измены мужа не входят в этот список. — Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое, — сиплю.

Перед глазами все размывается. И не из-за резко ухудшившегося зрения, а из-за подкатывающих к глазам слез.

— Конечно же, — фыркает Альбина. — Демид, ты же мне веришь? — кладет ладонь мужу на плечо. — Я не собиралась помогать ей сбегать и никогда бы не предала твое доверие. Ты же знаешь… — вдавливает ногти в кожу мужа. Пытается привлечь его внимание?

Невольно бросаю взгляд на Демида, на которого все это время старалась не обращать внимания. Вздрагиваю, видя его нечитаемое выражение лица. Либо муж успел взять себя в руки и спрятать все эмоции от окружающих, либо…

Страшно даже представить, каким может быть второе «либо». А уже через мгновение забываю обо всем, когда Демид срывается с места. Он так быстро преодолевает расстояние между нами, что я толком сориентироваться не успеваю, не говоря уже о том, чтобы отойти.

Миг, и Демид уже нависает надо мной. Смотрит сверху вниз, сузив глаза, но ничего не делает. Такое чувство, что тянет время. Пытается действовать мне на нервы? Довести меня до ручки?

Что ж… у него получается. Каждая мышца в моем теле напрягается. Дыхание сбивается. Желудок сжимается.

Тоже смотрю на Демида. Хоть и вижу его немного расплывчато, но все равно замечаю острую черту подбородка из-за стиснутой челюсти и раздувающиеся ноздри из-за тяжелого дыхания. Демид сдерживается. Это видно. Но от чего именно?

Еще несколько секунд или даже минут мы проводим в тягучем, тягостном молчании, после чего муж резко наклоняется и подхватывает свои брюки с пола.

— Это искала? — достает из кармана те самые злосчастные ключи.

Первый порыв — дернуться за ними и перехватить связку, вот только понимаю, что это ни к чему не приведет.

Что-то внутри обрывается. Последний мой шанс выбраться на свободу летит крахом. Остатки сил резко покидают меня. Не знаю, как еще удается удержаться на ногах и даже продолжать смотреть в ледяные глаза мужа.

— Ксюша-Ксюша, как недальновидно, — Демид качает головой, сжимая ключи в кулаке. — И что ты собиралась делать, когда сбежишь? Неужели настолько отчаялась, что готова ночевать на улице, лишь бы не со мной? — издевательский тон мужа задевает что-то внутри меня.

Не знаю, что окончательно срывает замки на моем самообладании, но это и неважно, ведь в следующий момент я на одном дыхании выпаливаю:

— Я готова на все, чтобы оказаться подальше от такой скотины, как ты! Готова на все, чтобы убрать тебя из своей

жизни. Готова больше не видеть тебя никогда! Только скажи, что не так с моим ребенком, отпусти меня и развлекайся, с кем твоей душе угодно.

— Как у тебя все просто, — хмыкает муж, не сводя с меня прищуренного взгляда.

— Да, просто! — подкрепляю свои слова вздернутым подбородком. Сейчас главное не отступить. Лишь бы не отступить. — Ты же сказал своей… Альбиночке, что с тобой не так. Значит, это не секрет. Поэтому поделись и со мной такой ценной информацией и вали на все четыре стороны, — впиваюсь ногтями в ладони.

В глазах мужа всего на секунду мелькает пламя ярости, но уже в следующую — оно стирается, а губы Демида растягиваются в самодовольной усмешке.

— Так вот, что тебя на самом деле волнует, — тянет Демид и расправляет плечи, ни капли не стесняясь своей наготы. — То, что Альбина знает кое-что важное обо мне, а ты нет? — хмыкает. — Ну так не переживай, это не тот факт, который тебя должен сильно волновать. В любом случае, скоро и ты все узнаешь. Как только мы с тобой заключим небольшой договор, — муж поднимает руку, хочет прикоснуться к моей щеке, но я отшатываюсь.

— Ничего я заключить с тобой не буду! — чеканю.

А уже в следующее мгновение на моем подбородке смыкаются грубые пальцы.

— Будешь! — цедит Демид, в его глазах вспыхивает ад-

ское пламя. — Еслидля тебя, конечно, важен наш ребенок. Если нет, думаю… — муж прерывается, его глаза сужаются в тонкие щелочки, прежде чем он продолжает: — Альбина не откажется стать матерью. Да, Альбина?

Заявление мужа выбивает из моей груди весь воздух. Демид же не серьезно?

— Эм… да? — доносится до меня неуверенный женский голос.

— Вот и отлично, — уголки губ мужа приподнимаются, а в его глазах мелькает победный блеск. — Оставайся тут и подумай над своим поведением, все равно тебе некуда идти и выбраться из квартиры ты не сможешь. Разве что через окно, — бросает взгляд на него и усмехается своей же шутке, понимая, что мы находимся на двадцатом этаже. — В общем, оставайся тут и отдыхай. Завтра мы с тобой пообщаемся в более спокойной обстановке, — пару секунд вглядывается в мои глаза, после чего бросает взгляд на мой живот. — Надеюсь, к тому моменту к тебе вернется разум, и мы разберемся, что делать с ним, — указывает подбородком на нашего малыша, которого я тут же обнимаю, пытаясь закрыть от его же отца. Этот простой жест от Демида не скрывается. Он хмыкает, снова заглядывает мне в глаза и проникновенно произносит: — Альбина, иди за мной. Нам нужно… пообщаться. Сделаем это там, где нам точно никто не помешает.

Глава 12

— Просыпайся, спящая красавица, — хриплый шепот врывается в мой разум.

Не сразу понимаю, откуда он берется. Такое чувство, что из воздуха, а, возможно, и из темноты, которая до сих пор пугает до чертиков.

Меня начинает трясти. Не знаю, из-за чего именно распахиваю глаза: из-за проникновенного голоса, который кажется до жути знакомым, или же из-за своего самого большого страха — снова оказаться незрячей. Но это неважно. Главное то, что уже через несколько секунд я смотрю на белый потолок и вижу на нем пляшущих солнечных зайчиков.

Выдыхаю, расслабляюсь, но ненадолго, ведь в следующее мгновение отчетливо чувствую чье-то присутствие рядом.

Кожа тут же покрывается мурашками. Задерживаю дыхание. Медленно поворачиваю голову и…

— Какого… — резко подскакиваю на кровати.

Живот перевешивает. Чуть не заваливаюсь обратно на кровать. Но равновесие все-таки кое-как сохраняю. И даже в сторону немного отползаю, не отводя широко распахнутых глаз с мужа, который в одних лишь серых спортивных штанах лежит на соседней подушке. Его руки запрокинуты на голову, мускулистый торс обнажен, а глаза прикованы ко мне. Демид с полуулыбкой, пляшущей на губах, наблюдает

за моим потрясением.

— Что ты здесь делаешь? — тяжело сглатываю в попытке смочить саднящее горло. А в следующую секунду едва не задыхаюсь, понимая, что меня тоже не должно было быть на кровати. Я засыпала в огромном кресле у окна, где раньше любила читать. Просто свернулась калачиком, чтобы защитить малыша, положила голову на подлокотник, закрыла глаза и… отрубилась. А проснулась уже в кровати. — Что я здесь делаю? — опускаю голову и вижу на себе огромную черную футболку.

Вздергиваю голову. Ловлю ртом воздух. Хватаю края футболки, собираясь сдернуть ее с себя, но в последний момент останавливаюсь — частичкой разума понимаю, что под ней ничего нет.

Сердце с такой силой ударяется о грудную клетку, что, кажется, вот-вот ее проломит. Воздух со свистом просачивается через тонкую щелочку, в которую превращается горло. Меня начинает конкретно потряхивать.

Зато Демид абсолютно спокойный. Он неотрывно смотрит на меня. Его явно забавляет вся эта ситуация. Как и моя растерянность.

— Я тебя перенес, — он пожимает плечами. — И переодел тоже я, если тебя это волнует.

«Да плевать мне! Как ты посмел ко мне притронуться?» — рвется из меня, но я замираю, не сказав ни слова, ведь осознаю то, что мне не давало покоя все время после про-

буждения.

— А ты? — щурюсь, чувствую, как горло начинает сжиматься.

— Что я? — уголки губ мужа дергаются.

— Где ты спал? — еле выдавливаю из себя три коротких слова.

Мышцы начинают ныть оттого, насколько я напряжена. Но расслабиться не удается, ведь улыбка Демида становится шире, а в глазах появляются бесенята.

— С тобой, — выдыхает он.

Роняю челюсть окончательно. Смотрю на Демида, пытаясь найти хоть какие-то признаки лжи. Но замечаю лишь самодовольство, а когда оглядываюсь по сторонам, вижу смятое одеяло, одежду Демида на полу и его часы на прикроватной тумбочке.

Желудок сжимается в болезненном спазме.

Вот же скотина! После того, как он оприходовал другую бабу, он приперся спать ко мне!

Ярость обжигающей волной поднимается из моего основания.

— Как ты мог прикоснуться ко мне после другой? — шиплю. — Ты последний г…

— Только не устраивай драму, — обрывает меня Демид, закатывая глаза и садясь на кровати. — Ничего такого не произошло, чтобы помешало тебе спать со мной в одной кровати, как и раньше.

Глава 13

Как и раньше? Как и раньше!

Я же правильно поняла? Демид и раньше приходил ко мне, спал со мной, обнимал меня, прижимался... и это после того, как до этого был с другой женщиной?

Застываю. Мышцы напрягаются до предела. Каждая клеточка моего тела кричит от возмущения и боли. Отвращение, холодное и липкое, прокатывается по венам, заставляя сердце биться чаще.

Смотрю на полуобнаженного мужа, на его расслабленную позу, на бесстрастное лицо, и мне кажется, что Демид даже не понимает, что происходит.

Я же не могу произнести ни слова. Они застревают в горле, сжатом так сильно, что кажется, будто я задыхаюсь. Рот открывается, но звуков нет. Только тишина, тяжелая и гнетущая.

Демид замечает мою растерянность. Обреченно вздыхает, качает головой.

— Что опять? — его голос звучит небрежно, будто все происходящее — просто пустая формальность. Он проводит рукой по волосам, ненадолго прикрывает глаза, а потом смотрит на меня с легким раздражением. Словно я капризный ребенок, снова требующий желаемую мороженку, а не взрослая женщина, причем беременная, которую муж за-

ставляет мириться с его изменами.

Это подливает масла в огонь, который уже бушует внутри меня.

— Что опять? — мой голос кажется чужим, сдавленным, но в нем уже слышится гнев. — Ты серьезно спрашиваешь?

— Либо говори, что имеешь в виду, либо…

«Молчи вечно», — ехидно дополняет фразу Демида мой мозг.

И видимо, муж это и имел в виду, потому что вместо того, чтобы нормально выслушать меня, он поворачивается ко мне спиной и спускает ноги к кровати.

Больше не находясь под пристальным пронзающим насквозь взглядом Демида, получается сделать вдох полной грудью и даже более-менее собрать мысли воедино.

Брезгливость оседает горечью на языке, но я решаю, что если выскажу все мужу, мне станет легче. По крайней мере, должно.

Поэтому, подавляя внутреннее сопротивление и глядя на спину мужа с загорелой кожей, которую пересекает бледный почти выцветший шрам, выдавливаю из себя:

— Ты был с ней... а потом приходил ко мне, — каждое слово обжигает горло. Но я все равно продолжаю. — Ты спал со мной, притворялся, что все хорошо, после...

Перекатывающиеся до этого мышцы на спине мужа застывают, как и он сам. А уже через мгновение Демид оглядывается через плечо. Его брови сведены к переносице, губы

поджаты.

— Сколько же все-таки у тебя лишнего в голове, — понуро выдыхает Демид после долгого созерцания меня. — А знаешь, я не буду ни подтверждать, ни отрицать твое предположение, — уголок его губ ползет вверх. — Если тебе нравится накручивать себя, пожалуйста, продолжай. Но не забывай, что тебе нужно заботиться не только о себе, — указывает подбородком на мой живот.

На автомате кладу на него ладонь. Действие машинальное, дарящее нежность и защиту одновременно. Я так привыкла противостоять всему миру, чтобы спасти своего малыша, что закрываю его ото всех, даже не задумываясь.

— С чего ты решил, что я не забочусь о нем? — мой голос звучит тихо, но в нем легко улавливается сталь. — Я забочусь о нем больше, чем ты можешь представить. Потому что это мой ребенок. Мой! А ты...

— Когда ты ела в последний раз? — прерывает меня Демид, выбивая почву из-под ног.

И прежде чем я нахожу, что ему ответить, подходит к комоду, на котором раньше стояла ваза, берет поднос с едой. Замечаю стакан с оранжевым соком, скорее всего, моим любимым, апельсиновым, и парочку запеченных сэндвичей.

Демид возвращается к кровати, ставит поднос передо мной.

— Ешь, тебе силы нужны, — снова вперивает в меня нечитаемый взгляд, — нам много с тобой сегодня предстоит

сделать.

— Что именно? — напрягаюсь еще сильнее.

Не прикасаюсь к еде, из-за чего желудок начинает жутко бурчать и резать. Меня подташнивает, как и всегда в последнее время, когда я голодная.

— Твоя Лена звонила. Грозилась прислать к нам полицию, соцслужбу и что-то там еще, если я тебя сегодня не привезу в клинику, — закатывает глаза, но при этом остается полностью серьезным.

Не знаю, как у него так получается. Но это и неважно, ведь страх заполняет каждую клеточку моего тела.

— Что-то еще она сказала? — спрашиваю едва слышно, дрожу.

Меня начинает еще сильнее мутить. Не выдерживаю, хватаю один бутерброд и откусываю. Иначе меня точно в скором времени вырвало бы — я свой беременный организм за восемь месяцев успела изучить. Жую, не ощущая вкуса. Глотаю и снова кусаю, при этом испытующего взгляда от мужа не отвожу.

— Нет. Сказала, что будет говорить только в твоем присутствии, — хмыкает Демид. От закатывания глаз на этот раз воздерживается. — В общем, ешь, переодевайся, — кивает на дверь гардеробной, — твоя одежда на месте, думаю, ты там что-то подберешь несмотря на… — снова бросает взгляд на мой живот. На некоторое время задерживается на нем, из-за чего у меня мурашки покрывают кожу, а потом моргает

и становится прежним… бесстрастным. — Переодевайся и спускайся, — чеканит, глядя мне в глаза, — нас уже ждут, — разворачивается и направляется к выходу из спальни.

Не останавливается, пока не достигает ее и не распахивает дверь.

— Неужели ты сам приготовил мне завтрак? — не знаю, почему спрашиваю.

Наверное, дело в том, что не видела Демида на кухне много лет. С начала наших отношений, когда он чуть не сжег кухню, пытаясь приготовить мне обычную яичницу. С тех пор муж не приближался к плите. Похоже, немалую травму получил из-за огня на сковороде и дыма, заполнившего пространство просторной комнаты.

Демид застревает в дверном проеме, слыша мой вопрос. Пару секунд стоит неподвижно. Плохое предчувствие спазмами скручивает наполненный половиной сэндвича желудок.

— Демид, — выдыхаю. — Ты же это приготовил? — не знаю, зачем настаиваю, ведь и так знаю ответ.

Ком застревает в горле. Остатки сэндвича выскальзывают из пальцев, падают на одеяло. Меня снова начинает тошнить, но уже по другой причине. А Демид, похоже, решает меня добить.

— Нет, Альбина, — заявляет и выходит из комнаты, хлопнув напоследок дверью.

Глава 14

«Я должна спуститься на первый этаж. Ради ребенка. Лена бы не стала настаивать на том, чтобы Демид меня привез к ней, если бы не произошло что-то серьезное. Да и запереться в комнате — это так себе вариант. Лучше уж оказаться на улице, где я смогу хоть что-то сделать, чем остаться запертой в четырех стенах с блондинкой, которая возомнила себя хозяйкой в моем доме», — продолжаю уговаривать себя, крепко держась за перила и наступая на очередную ступеньку.

Длинная бежевая плиссированная юбка щекочет щиколотки, а тонкая блузка, подобранная на тон светлее, кажется какой-то… холодной. Меня немного потряхивает. И это несмотря на то, что на дворе лето.

Наверное, все дело в стрессе, который мне довелось пережить за последние несколько дней. А тот факт, что я увидела гардеробную, заполненную своими же вещами, добил меня окончательно. Почему Демид от них не избавился? Может, действительно планировал вернуть меня в свое логово? Не сдавался до последнего?

Тяжело сглатываю, а во рту появляется кисловатый привкус, хотя я чистила зубы несколько раз. Наверное, это все психосоматика, которая разыгралась не на шутку с тех пор, как меня вывернуло в туалете из-за того, что ела еду, приготовленную той самой блондинкой, с которой уединился муж,

перед тем как заявиться спать ко мне.

Меня все еще передергивает от осознания, что Демид мог прикасаться ко мне ночью… после нее.

Никогда не думала, что меня будет тошнить еще от отвращения.

Не понимаю, что произошло с мужем. Раньше он не был таким жестоким. Не могу отделаться от ощущения, что передо мной совершенно другой человек. Мой Демид никогда не смотрел на меня с таким холодом, равнодушием. Даже от воспоминания о безэмоциональном, немного отрешенном взгляде мужа, которым он меня раз за разом одаривал, мурашки ползут по позвоночнику.

Такое чувство, что Демид лишился души, а передо мной оказалась просто бренная оболочка.

Тогда откуда это маниакальное желание вернуть меня домой? Зачем ему я?

По всей видимости, жизнь Демида вполне налажена. С Альбиной у них вполне гармоничные отношения.

Тошнота вновь подступает к горлу, стоит вспомнить сцену в душе. То, с какой силой Демид впивался пальцами в талию Альбины, будто хотел одарить ее всей своей страстью, было видно даже с моим плохим зрением. А после этого муж вовсе ушел с девушкой туда, где им никто не помешает… где они могли бы закончить свои грязные дела, когда я нахожусь неподалеку.

Интересно, какое место они выбрали? Гостевую комнату?

Кабинет мужа? Гостиную?

А где они «спали», пока меня не было? Неужели на нашей супружеской кровати?

Нет! Стоп! Хватит об этом думать! Сейчас важнее другое!

Нужно понять, что с моим малышом, и придумать, как избавиться от Демида.

Вот два самых важных пункта плана, на которых необходимо сосредоточиться. Остальное пусть катится лесом. В том числе любовница мужа, которая сейчас возится на открытой кухне, расположенной в конце просторной светлой комнаты. Альбина что-то готовит, при этом пританцовывает под ритмичную, но достаточно тихую мелодию. Расклешенная юбка голубого сарафана, надетого на ней, колышется в такт каждому движению девушки.

Демида нигде не видно, но я все равно напрягаюсь до предела, останавливаясь на последней ступеньке. Нервные окончания зудят, мышцы деревенеют, в висках отдается бешеный стук сердца.

Последнее, чего бы мне сейчас хотелось — снова сцепиться с Альбиной, выясняя, кто в доме хозяйка. Если ей нужна эта роль, пусть ее забирает. Я же хочу получить лишь свободу.

С этой мыслью глубоко вздыхаю и… Запах жареных яиц бьет в нос. Желудок сжимается в голодном спазме. Тошнота тут же подступает к горлу. Мало того, что я сутки ничего не ела, так еще меня недавно вывернуло. Из-за чего по телу

прокатывается слабость.

Голова начинает кружиться. Холодный пот выступает на лбу. Радует только то, что я не отпустила перила, иначе меня повело бы окончательно. А так я просто переношу весь вес на перекладину, в которую буквально вцепилась, и делаю несколько коротких вдохов и медленных выдохов, пытаясь прийти немного в себя.

Мне не удается до конца вернуться в нормальное состояние, но, по крайней мере, удушающий приступ тошноты отпускает, и это хорошо, потому что сразу происходит несколько вещей.

Альбина разворачивается, видит меня, замирает, посылает мне огнемечущий взгляд.

Одна из дверей, находящихся на противоположной стене от больших, почти панорамных окон, распахивается. В гостиной появляется Демид в деловом костюме, который молниеносно оценивает обстановку и тоже сосредотачивается на мне.

Вот только его равнодушный взгляд меня мало беспокоит, ведь я полностью отдаю свое внимание мужчине за его спиной.

Руслан! Господи, Руслан!

Надежда крыльями бабочек начинает порхать в животе и живет ровно до того момента, пока друг мужа не замечает меня.

Его глаза на мгновение удивленно распахиваются, а в сле-

дующее — Руслан расплывается в снисходительной ухмылке.

— Ксюша, дорогая, рад тебя видеть, — он чуть склоняет голову набок, скользит по мне прищуренным взглядом. Останавливается на моем животе, хмурится. — А я все думал, когда Демид до тебя доберется. Не могла же ты бегать от него вечность, — возвращается к моему лицу и выгибает бровь, как бы говоря: «А я тебя предупреждал».

Глава 15

— Ты спустилась? Хорошо, — голос Демида доносится до меня словно издалека.

Мозг словно отказывается соображать. Смотрю на Руслана и не могу поверить, что он здесь. Мы не виделись с того момента, как он меня спас и поселил в своем старом доме. И не общались с того же момента. Но человек же не может измениться за такой короткий срок? Ведь в глазах Руслана с легкостью считывается осуждение с нотками предубеждения.

Холодок бежит по позвоночнику, а в голове набатом звучит одна единственная фраза: «Помощи ждать неоткуда».

Я стою, словно вкопанная, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Руслан смотрит на меня, его взгляд тяжелый, почти давящий. Хочу что-то сказать, объяснить, оправдаться, но слова застревают в горле. И это к лучшему, потому что мы не одни.

— Демид, ты завтрак готов? — елейный голосок Альбины врывается в разум, выводя из транса.

Меня словно в ледяную воду окунают, когда я вспоминаю, что рядом находится любовница мужа.

— Я говорил тебе, что не буду есть, — чеканит муж, не отводя от меня внимательного взгляда.

— Но… — девушка договорить не успевает, как Демид

поднимает руку, резко останавливая ее.

— Если хочешь кого-то накормить, Руслан всегда в твоем распоряжении, — чеканит он, вглядываясь в мое лицо, которое, без сомнений, побелело, стоило мне увидеть друга мужа. — Тебе плохо? — неожиданно участливо спрашивает Демид. — Или это реакция на твоего помощника?

Его слова не сразу укладываются в голове. Но как только я их осознаю, меня тут же бросает в дрожь. Глаза широко распахиваются, а из груди вырывается едва слышное:

— Что?

Демид знает! Он знает!

Желудок сжимается в тугой узел, в горле пересыхает.

— А кто тебе вечно помогал, когда я уезжал в командировки? — Демид слегка наклоняет голову набок, не отводя от меня прищуренного взгляда. — Руслан, конечно. Или после твоего падения с лестницы ты его больше не признаешь?

— Дем… — Руслан кладет руку на плечо моего мужа, но тот одним резким движением скидывает его.

— Ладно, это все лирика, — Демид глубоко вздыхает и медленно выдыхает, оборачивается к другу. — Когда приедет нотариус? Он уже должен быть здесь.

Не знаю, что отражается на лице Демида, но в его голосе явно слышны нотки недовольства. Вот только, похоже, перепады настроения друга совсем не трогают Руслана. Он стоит спокойно, его лицо остается непроницаемым, будто все это его не касается.

— Я откуда знаю? — пожимает плечами Руслан. — Может, в пробке застрял, — бросает короткий взгляд в мою сторону, прежде чем вернуть внимание Демиду.

— Ты должен был его привезти, — обвинение с легкостью считывается в голосе мужа.

— Я не твоя девочка на побегушках, чтобы через весь город туда-сюда кататься, — парирует Руслан, не давая фору другу. — Особенно, учитывая, что у нотариуса есть машина, на которой он может добраться. Достаточно уже того, что я нашел его для тебя. Хотя это могла сделать твоя секретарша или девочка на побегушках, — он указывает головой в сторону Альбины, которая, как и я, замерла, наблюдая за противостоянием двух друзей. — Если хочешь, позвони ему, номер на твоем столе, — абсолютно спокойно произносит Руслан, и, похоже, его совсем не трогает, что Демид стискивает кулаки до побеления в костяшках.

Тишина, которая воцаряется в гостиной, настолько давящая, что единственное, чего мне хочется, — это убраться побыстрее из комнаты, лишь бы вздохнуть полной грудью. И уже через мгновение у меня появляется такая возможность, потому что Демид цедит сквозь зубы:

— Отойди, — и отталкивает Руслана с прохода, направляясь обратно в кабинет.

Хлопок дверью сотрясает комнату.

Руслан лишь хмыкает в ответ на грубость Демида, скользит небрежным взглядом по мне и сосредотачивается на

Альбине.

— Что ты такое вкусное приготовила? — ведет носом, втягивая в себя аромат яиц и, полностью игнорируя меня, направляется к кухонному островку. — Раз Дем отказался, я с удовольствием бы поел, не успел позавтракать, — любезность в его голосе зашкаливает.

Уже через несколько мгновений он подходит к Альбине, закрывая ее от меня. Мне кажется, или Руслан положил ладонь ей на поясницу?

Моя растерянность только усиливается. Глубоко вздыхаю, пытаясь взять себя в руки. Вот только уже через секунду жалею об этом, потому что, почувствовав запах яиц, ощущаю, как тошнота подкатывает к горлу. Я едва успеваю добежать до туалета, как меня выворачивает.

Остатки сэндвича, приготовленного любовницей мужа, покидают мой желудок. Чувствуя самое настоящее облегчение, оседаю на пол. Холодный пот выступает на лбу. Руки слегка подрагивают.

Сижу на холодном кафеле, а в голове крутятся обрывки мыслей: Демид, Руслан, Альбина, нотариус, который, непонятно зачем, должен приехать… Все это смешивается в один огромный ком, который давит на грудь.

Но сейчас важно одно: я должна собраться. Вот только сделать этого не удается, как раздается скрип двери, после которого раздается грубое рычание:

— Какого хрена ты тут делаешь? Я же сказал тебе не со-

вать даже нос в Москву?

Глава 16

Были бы у меня силы, я, наверное, резко развернулась бы и вперила в Руслана удивленный… нет, скорее, шокированный взгляд. Вот только мое состояние оставляет желать лучшего. Мышцы слишком сильно ослабели, а тело до сих пор бьет дрожь. Поэтому, не поднимаясь с пола, кое-как разворачиваюсь и заглядываю в лицо друга мужа.

Руслан стоит спиной к закрытой двери, сложив руки на груди, и смотрит на меня так, словно из-за меня, как минимум, мир разрушился. Хотя… возможно, он прав. Жизнь, которую мне удалось восстановить благодаря его помощи, канула в лету. Сомневаюсь, что Демид меня просто так отпустит после того, как поймал и посадил в клетку, словно непослушную птичку, которая то и дело норовит улететь. И вряд ли Руслан станет мне помогать. Судя по гневу, смешивающемуся с разочарованием, который плещется в его глазах, от друга мужа никаких действий ждать не стоит. Он хочет лишь объяснений, которые я не собираюсь ему давать. Мне до жути надоело, что все вокруг пытаются меня продавить и ни во что не ставят мое мнение. Если мне не удается им противостоять, то, по крайней мере, я могу всех проигнорировать. Руслан, который сверлит меня раздраженным взглядом, не исключение.

Отчаяние сметающей все на своем пути волной разлива-

ется по венам, почти сносит меня. Не знаю, каким чудом мне удается держать спину прямо. Я даже глаз от Руслана не отвожу. Просто смотрю на друга мужа пустым взглядом, надеясь, что тому хоть немного станет не по себе за то, что морально добивает беременную женщину.

— Ксюша, у нас мало времени, — переходит на шепот Руслан. Мне кажется, или друг мужа немного успокоился?

Руслан оглядывается через плечо, прежде чем снова сосредоточиться на мне. Его лицо разглаживается, а в глазах я замечаю сочувствие. Такая резкая перемена в настроении мужчины выбивает почву из-под моих ног, вгоняя в еще большую растерянность.

Наверное, поэтому из меня ни слова не вылетает, я лишь накрываю живот ладонями и отвожу взгляд в сторону. Не хочу больше никого видеть. Почему меня просто не могут оставить в покое? Вот почему?

— Ксюш, блин, — выдыхает Руслан и срывается с места. Он во мгновение ока сокращает расстояние между нами, опускается передо мной на корточки. — Что ты здесь делаешь? — хватает меня за плечи, заставляет посмотреть на него.

Искренняя забота, промелькнувшая в его глазах, никак не сходится с тем пренебрежением, которое я видела в гостиной. Меня одолевает самый настоящий диссонанс. Но разбираться с тем, что происходит в голове Руслана, я не собираюсь.

— У меня с ребенком проблемы, — произношу едва слышно, понимая, что друг мужа от меня не отстанет. — Я не могла не приехать, — пожимаю плечами.

Руслан какое-то время просто вглядывается в мои глаза, словно пытается понять, говорю ли я правду или все выдумала.

— Черт, и Демид тебя выследил, да? — выдает, спустя секунду.

Киваю. Не вижу смысла скрывать.

— Да, блин! — Руслан резко поднимается на ноги, начинает расхаживать передо мной. — А я-то думал, почему он со вчерашнего дня такой бешеный. Ему кто-то позвонил, и он сорвался прямо с совещания. Видимо, ребята сообщили, что ты появилась в черте города, — тормозит, трет шею. — Это же я создал систему отслеживания. Прости, я даже представить тогда не мог, что Демид когда-нибудь применит против тебя, — виновато смотрит на меня, прежде чем снова начать ходить туда-сюда, при этом то и дело сжимает и разжимает кулаки.

Наблюдаю за мельтешением Руслана и не могу понять, что с ним происходит. Еще пару минут назад он чуть ли публично не отрекся от меня, а сейчас… переживает?

— Что с малым? — на ходу указывает подбородком на мой живот.

— Предлежание, — произношу на автомате. Мысли скачут так быстро, что я толком ни на чем сконцентрироваться

не могу. Но одну самую важную — уловить все-таки получается. Озарение чем-то тяжелым бьет по голове, стоит вспомнить, что я еще вчера сама хотела найти Руслана. Моментально подбираюсь. Сердце разгоняется до такой степени, что руки начинают подрагивать. — Руслан, — горло сдавливает, мышцы моей спины ноют от напряжения. Страшно узнать правду. Очень страшно. Но без нее никуда. Поэтому задаю вопрос, из-за которого озноб моментально заполняет каждую частичку моего тела: — Чем болен Демид?

Глава 17

Глаза Руслана на секунду округляются, но уже через мгновение сужаются до тонких щелочек.

— Болен? — друг мужа смотрит на меня как на умалишенную, из-за чего желудок ухает вниз.

Надежда, которая хрупкими крыльями бабочек порхала в животе, превращается в пепел. Неужели и Руслан не знает правду?

— Демид сказал, что чем-то болен и это может передаться нашему ребенку, — произношу совсем тихо, остатки сил постепенно меня покидают. — Ты должен знать, что это может быть. Должен, — у меня еще есть немного веры, с которой я смотрю на Руслана.

— Прости, даже если у Демида есть какая-то болезнь, я о ней ничего не знаю, — Руслан хмурится, словно действительно не понимает, о чем речь.

Сдуваюсь.

Мышцы больше не держат. Прислоняюсь спиной к ободку унитаза, рваными движениями поглаживаю малыша.

Даже мысленно не могу пообещать своему еще нерожденному мальчику, что все будет хорошо. Ведь сама больше не верю в это.

Грудь распирает от отчаяния, которое становится частью меня. Оно заполняет каждую клеточку моего тела, вытесняя

все, что хотя бы ненадолго могло бы поддержать меня. Безвыходность ситуации высасывает остатки сил. Я боролась… правда боролась. Искала способ выбраться из того ада, в который меня засосало, стоило мне вернуться в Москву. Готова была горы свернуть, лишь бы, наконец, убраться подальше от Демида и спокойно вырастить своего малыша. Уверена, я бы справилась, даже будучи слепой. Вот только все мои планы накрыло бетонной плитой.

Я не справлюсь с больным ребенком. Просто не смогу.

Нет, если бы я была в порядке: полна сил и с нормальным зрением, то ничто мне не стало бы преградой. Я бы свернула горы для своего долгожданного малыша.

Вот только я совсем не ожидала, что судьба снова проверит меня на прочность.

Мало ей того, что я еле-еле вижу? Она решила добить меня окончательно? Ну ладно меня? Зачем трогать моего ребенка, которого я защищала всеми силами? Он же еще не родился. И точно ни в чем не виноват. Не виноват…

Слезы наполняют глаза, срываются с ресниц, стекают по щекам.

Все.

Я больше не могу.

Если у кого-то была цель меня уничтожить, то он справился. Справился. У меня больше ничего нет: ни сил, ни веры, ни надежды.

Всхлип срывается с губ. А за ним еще один. И еще…

Прикрываю рот рукой. Но рыдания уже не остановить. Захлебываюсь в них. Чувствуя, как они разрывают меня изнутри.

— Эй ты чего? — доносится до меня словно издалека. А в следующий момент Руслан снова присаживается передо мной на корточки. — Ксюш, — кладет ладони на мои плечи, аккуратно меня встряхивает.

Участие, звучащее в его голосе, срывает последние петли на двери, за которыми я заперла все страхи и старания. Боль становится невыносимой, слезы начинают литься сильнее.

— Я не справлюсь… Не вытяну все одна. Не могу. Просто не могу, — слова перемешиваются с всхлипами. — Я никчемная мать. Даже выяснить, чем болен мой сын, не могу. А еще и это предлежание. Как мне родить и вырастить нормального ребенка? Как? А что если я в итоге ослепну? Как справиться с Демидом, который грозит отобрать нашего малыша? Как мне выстоять? Как? — плачу в голос, совершенно не заботясь о том, что кто-то может услышать.

Да какая разница? Если Демид хотел сломить мою волю, поздравляю, он добился своего. Добился. Я больше не могу бороться. Сдаюсь. Пусть делает, что хочет. Пусть разрушает мою жизнь окончательно. Мне все равно…

— Я помогу тебе, — голос Руслана звучит настолько глухо, что я сначала не могу разобрать слова. Не говоря уже о том, чтобы поверить в их правдивость.

Вот только мозг все равно улавливает смысл сказанного

мужчиной, который сидит передо мной и смотрит на меня с самой настоящей жалостью.

— Что? — произношу на выдохе.

Все еще не могу поверить, что услышанное — не игра моего воображения, которое пытается уцепиться за любую соломинку, лишь бы выбраться из того болота, в которое меня постепенно затягивает.

— Я тебе помогу, — четче повторяет Руслан. — Только не плачь… пожалуйста.

Глава 18

— Как? — выдыхаю сквозь рыдания. — Как ты мне поможешь? Демид же твой друг. Лучший друг. Ты не пойдешь против него. Никогда, — отворачиваюсь, не могу больше видеть Руслана. Не могу ему довериться. Довериться и снова проиграть. — Оставь меня в покое, пожалуйста, — веду плечами, пытаясь сбросить с них руки Руслана.

Но друг мужа вцепился в меня с такой силой, что, скорее всего, оставит следы на моей нежной кожей.

— Да, друг, — Руслан аккуратно обхватывает мой подбородок, заставляет снова посмотреть на него. Хоть мой взор размыт от слез, я все равно вижу, как нахмурены брови мужчины передо мной, а его губы плотно сжаты до белых линий. — Поэтому я обязан его остановить, когда вижу, что он поступает неправильно! Демид переступил все возможные границы! — цедит. А уже через мгновение переходит на зловещий шепот: — Он уже много лет переходит все возможные границы, — столько решительности светится в его глазах, что я ненадолго теряюсь.

Неужели между Русланом и Демидом что-то произошло, что развело их по разные стороны баррикад? Да нет. Быть не может. Если бы их пути действительно разошлись, Руслана точно бы не было тут, передо мной. И Демид вряд ли обращался бы к нему за помощью.

— Нотариус для ребенка, да? — нашла время, когда об этом спрашивать. А когда еще? Мне нужно знать, что меня ждет, когда я покину безопасные стены уборной.

— Понятия не имею, — хмурится Руслан. — С чего ты взяла, что это связано с ребенком?

— Демид сказал, — шмыгаю носом. — Он хочет, чтобы я что-то подписала… какой-то контракт. Демид, лишь бы удержать меня рядом, готов на все, даже угрожает забрать малыша, — сердце больно колит, стоит вспомнить, как был решительно настроен муж, когда говорил о том, что я не справлюсь с нашим сыном.

Такое чувство, что Демид уверен, что ребенку будет лучше с ним… с бесчувственным чурбаном, который разучился любить. Или он собрался ребенка после его рождения своей любовнице сплавить? Ну уж нет! Этого точно не бывать!

— Подписывай! — чеканит Руслан, выбивая меня из колеи.

— Что? — неверяще выдыхаю. Я же ослышалась, да?

— Эй… не смотри на меня как на врага народа, — уголки губ Руслана приподнимаются, но уже в следующий момент он становится серьезным. — Ты же знаешь Демида. Если он вбил себе что-то в голову, то не отступит. Единственный шанс одолеть твоего мужа — начать играть по его правилам, усыпить бдительность, а потом нанести сокрушительный удар, — произносит так, словно знает, о чем говорит. — Подписав документ, ты обретешь хотя бы долю свободы. А

если нет, так и будешь находиться под его пристальным контролем. Пойти у Демида на поводу — лучший способ узнать, что не так с ребенком, поэтому подписывай долбанный контракт. Не волнуйся, в скором времени я получу к нему доступ, и мы вместе придумаем, что делать дальше. Как тебе такой план?

Пару секунд настороженно смотрю на Руслана, а потом спокойно произношу:

— Если ты считаешь, что так будет лучше, я согласна, — в любом случае выбора у меня особо нет. Придется довериться Руслану… во второй раз.

Веду головой в сторону, пытаясь убрать руку Руслана от своего лица. Удивительно, но на этот раз мужчина меня отпускает. Даже на ноги поднимается и протягивает мне открытую ладонь, предлагая помощь. Пару секунд сомневаюсь, а потом принимаю ее. Руслан помогает мне встать и держит до тех пор, пока покалывание в затекших ногах не проходит. Отпускает лишь тогда, когда мне снова удается стоять твердо.

— Вот и договорились, — коротко улыбается, после чего оглядывается через плечо. — Так, я пошел, пока Демид нас не хватился. Ты пару секунд подожди и тоже выходи, — подмигивает мне и в пару шагов преодолевает расстояние до выхода.

Аккуратно открывает дверь, выглядывает в щелочку, а в следующий момент ныряет в нее.

Я же, следуя указаниям Руслана, стою неподвижно пару секунд, прежде чем тоже направиться к выходу. Вот только даже добраться до двери не успеваю, как она открывается. Желудок ухает вниз, ведь на пороге появляется Демид. Его черты лица заострены, губы поджаты, в глазах полыхает ярость.

Мгновение ничего не происходит, а в следующее — Демид прислоняется плечом к дверному косяку, складывает руки на груди.

— Ксюша, Ксюша, не думал, что у тебя проблемы с дальновидностью, — качает головой, не отрывая от меня прищуренного взгляда. — Сама признаешься в своей провинности? Или поговорим по-плохому?

Глава 19

Сметающей все на своем пути холодок проносится по позвоночку. Желудок стягивается в тугой узел. Внутри что-то обрывается.

Тысячи мыслей одновременно проносятся в голове в попытке определить, что Демид имел в виду под «провинностью».

Неужели… он узнал о нашей договоренности с Русланом? Или просто увидел, что его друг выходил из уборной, а когда нашел в ней меня, сложил два и два? А может быть, это Альбиночка заметила, что мы с Русланом уединились, и сдала нас?

Какой из вариантов ни был бы верным, ничего хорошего он мне не сулит.

Дыхание застревает в груди, но я все равно кое-как из себя выдавливаю:

— Что ты имеешь в виду?

Мышцы напрягаются до такой степени, что начинают ныть. В горле застревает огромных размеров ком. Кое-как сглатываю его, при этом глаз от Демида ни на секунду не отвожу.

Боюсь, что даже если моргну, то пропущу что-то важное.

Вот только я могла хоть слепой стать, все равно ничего нового не увидела бы. Демид как и был бесстрастным, таковым

и остается. Он смотрит на меня проникновенно, изучающе. Так словно тоже хочет забраться ко мне в голову и найти там ответы на свои вопросы. Не знаю, получается ли у него, либо же он остается ни с чем, но уже через мгновение муж отталкивается от дверного косяка и в один широкий шаг преодолевает разделяющее нас расстояние. Я едва успеваю дернуться в сторону, как Демид обхватывает меня за шею сзади. Фиксирует. Заставляет смотреть ему прямо в глаза.

Почему они стали черными? Или это зрение меня подводит?

— Скажи, Ксюшенька, — произносит Демид ласково, но таким холодным тоном, что меня в дрожь бросает, — ты решила себя угробить и заодно нашего ребенка?

— Что? — выдыхаю. Это простое слово — все, на что я сейчас способна.

— Не притворяйся, что не знаешь, о чем я, — шепчет мне в губы Демид, не отрывая от меня прищуренного взгляда.

Желудок ухает вниз.

Он знает… знает, что Руслан согласился мне помочь.

Дыхание прерывается. Кажется, я замерзаю изнутри.

Страшно даже представить, какие последствия меня ждут за сговор с другом мужа. Но Демид же не переступит грань? Он же не тронет нашего ребенка?

Так сильно погружаюсь в ужас, растекающийся по телу ледяной лавиной, что не воспринимаю произнесенные мужем слова. Я вроде бы вижу, что его губы шевелятся, но смысл

сказанного не долетает до моего разума. Поэтому Демиду приходится повторить:

— Ксюша, я вроде бы с тобой разговариваю! Объясни мне, почему я нашел в спальне тарелку, наполненную едой? Почему ты толком ничего не съела? Решила голодом себя заморить?

Облегчение такой силы накатывается на меня, что мои колени подгибаются. Мышцы до такой степени слабеют, что, если бы Демид меня не держал, я бы точно грохнулась на пол, а так хотя бы в вертикальном положении удается удержаться.

Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы начать более или менее соображать, прежде чем выпаливаю:

— Ты же не думал, что я буду есть еду, приготовленную твоей любовницей?

Отвращение горечью оседает на языке. Тошнота снова подкатывает к горлу, стоит мне подумать о том, что я по незнанию съела немного этой самой еды.

— Вот, значит, что? — хмыкает муж и перехватывает меня за руку. — Пошли, — тянет.

— Куда? — машинально делаю шаг, но уже в следующий момент торможу пятками.

Мое сопротивление совсем не трогает мужа, он будто не чувствует, что я пытаюсь остановить его.

— Сама приготовишь себе еду, — Демид буквально выволакивает меня из кабинета.

Мне приходится последовать за ним, иначе, боюсь, мой живот перевесит, и падения не избежать.

— Ты же сказал, что мне нужно к врачу, — хватаюсь за единственную спасительную нить. — Что сказала Лена? Мне можно есть? Вдруг нужно сдать какие-то анализы натощак? — оглядываюсь по сторонам, но ни Руслана, ни Альбины нигде не вижу.

Вот только эта странность тут же уходит на задний план, ведь Демид резко останавливается, чертыхается и оглядывается через плечо. Муж всматривается в мое лицо, будто пытается найти на нем признаки сомнений в моих собственных словах, а уже через мгновение спокойно выдыхает.

— Ладно, зайдем в кафе после больницы, — бормочет себе под нос Демид, прежде чем изменить курс и направиться к выходу.

Не успеваю за переменами настроения мужа, но более или менее соображать у меня получается.

— Куда ты меня тащишь? — спрашиваю, когда Демид останавливается у входной двери, вытаскивает мои старые шлепки из шкафа и ставит их передо мной.

— К Лене твоей, — спокойно отвечает, тоже обуваясь.

Мне бы выдохнуть, потому что Демид не оставляет меня и ребенка без медицинской помощи. Но что-то все равно не дает мне покоя.

— А как же нотариус? — не знаю, зачем будю лихо.

— В аварию по дороге попал, другого найдем, — муж вы-

гибает бровь, когда видит, что я все еще стою босиком. Нехотя засовываю стопы в шлепки, и Демид снова хватает меня за руку, распахивает дверь, которая оказывается не заперта.

На языке вертится вопрос про пропажу Руслана, но прежде чем успеваю его задать, Демид оглядывается через плечо и с прищуром, глядя на меня, непоколебимо заявляет:

— И да, если ты и дальше будешь воротить носом от еды Альбины, значит, будешь готовить сама! Для всех!

Глава 20

— Мы можем провести переворот сегодня, — огорошивает меня Лена, отрываясь от экрана компьютера, где еще раз просматривала результаты анализов, сданных мною вчера в срочном порядке. Желудок тут же ухает вниз, дыхание перехватывает. — Ты же ничего не ела? — выгибает бровь подруга и по совместительству мой гинеколог.

Из меня вырывается саркастический смешок. Когда я говорила Демиду, что мне нужно оставаться голодной, просто использовала Лену в качестве уловки. Но, видимо, у меня интуиция, что надо.

Да и, оказывается, хорошо, что Демид притащил мне еду, приготовленную своей любовницей, а не самостоятельно, иначе бы у меня сейчас был бы полный желудок, и пришлось бы как минимум еще один день переживать из-за малыша. А так меня вывернуло, поэтому я с чистой совестью могу помотать головой. Сказать что-либо мне не удается, горло от страха сдавило так, что едва удается втягивать в себя воздух.

Меня трясет. Буквально. Становится очень холодно, хотя в кабинете Лены тепло — подруга сидит в медицинском костюме с короткими рукавами.

— Хорошо, — Лена посылает мне профессиональную, но при этом теплую улыбку. А потом переводит резко ставший холодным взгляд мне за спину.

А я и забыла о присутствии Демида в кабинете. Муж, как и обещал, отвез меня к Лене, хотя, если уж быть совсем честной, я очень сомневалась, что он это сделает. И рада, что ошиблась.

Вот только на этом вся благосклонность, на которую я, видимо, могу рассчитывать, заканчивается. Потому что все мои попытки отговорить мужа идти со мной на прием к гинекологу оказываются тщетными. Демид остался непреклонен, несмотря на то, что всю дорогу до больницы провел на телефоне, решая какие-то «очень важные вопросы». Удивительно, что муж уделяет столько времени мне. Даже когда мы были «счастливо» женаты, он часто пропадал на работе, забывая обо всем на свете, в том числе и о собственной жене. Я даже пару раз обижалась, когда Демид, заработавшись, забывал о наших встречах. Поэтому приходилось напоминать себе, что сама выбрала опцию «выйти замуж за отпетого трудоголика».

Вот только куда сейчас делся этот мужчина?

Такое чувство, что Демид изменился кардинально, а не только стал равнодушным, жестоким.

Последнее, чего мне хотелось бы — чтобы этот незнакомый мне мужчина сопровождал меня к врачу. Но отделаться от него не получилось. Конечно, можно было бы прибегнуть к услугам охраны, но это означало бы подставить Лену. А она точно не заслужила проблем, которые обещал ей организовать мой муж.

Поэтому пришлось смириться и с присутствием Демида, и с тем, что он, стоило мне занять место перед Леной, встал сзади и положил ладони мне на плечи. Этот простой жест можно было бы расценить как поддержку, но я-то знаю, что муж делает все, чтобы контролировать меня, из-за чего во время всего приема остаюсь напряженной до предела.

Зато, услышав вердикт Лены и не испытав ожидаемого облегчения, забываю о присутствии Демида в кабинете до тех пор, пока подруга мне не напоминает.

— Чем ты болен? — спрашивает так строго, будто она следователь, а не гинеколог.

Демид сильнее сжимает мои плечи.

— По-моему, я уже говорил, что это не твое дело, — цедит муж.

Подруга выпрямляет спину, сверлит Демида испытующим взглядом.

— Ты же понимаешь, что многие хронические заболевания, которые передаются по наследству, могут повлиять на состояние ребенка при перевороте? — каждое слово Лены ввергает меня в ужас. Дыхание застревает в груди. — Мы, конечно же, будем готовы провести экстренное кесарево. Но мне нужно знать, к чему готовиться, — Лена всеми силами старается сохранять спокойствие, хотя ее черты лица заостряются, а глаза сужаются.

Я же не могу похвастаться таким самоконтролем. Оглядываюсь через плечо, задираю голову и заглядываю мужу в

глаза:

— Демид, пожалуйста, — умоляю. Плевать, что унижаюсь. Я просто не могу не попытаться еще раз выяснить правду.

Мне и так жутко страшно из-за боли, которую придется испытать. Лена вчера в подробностях рассказала, что меня ждет, и это пугает до чертиков. Но я готова пойти ради ребенка на все. Зато Демида, похоже, ничего не трогает — он опускает голову и все так же равнодушно смотрит на меня.

— Поверь мне, если бы была опасность для малыша, я бы не стал ничего скрывать, — каждое слово мужа наполнено уверенностью, вот только я ему не верю… просто не верю.

— Как ты можешь? — задыхаюсь, все испытываемые мною за последнее время эмоции разом наваливаются на меня. — Если ты хоть когда-то любил мен…

Договорить мне не удается, ведь Демид обрывает меня на полуслове.

— Хватит этих манипуляций, — зло рокочет, из-за чего меня начинает сильнее потряхивать. — Если я сказал, что опасности нет, значит, ее нет! — отрезает.

В висках стучит. В голове гудит. Слезы наполняют глаза и размывают и без того нечеткий образ мужа.

— Черт с тобой, — голос Лены звучит словно из-за стекла. — Если что-то случится с ребенком, это будет на твоей совести, — выплевывает, не сомневаюсь, уничижительно смотрит на моего мужа. — Ксюша, не волнуйся, я попро-

шу коллегу нас подстраховать в случае чего. — Улавливаю скрип стула, после чего раздаются почти бесшумные шаги. Не оборачиваюсь, чтобы проверить, идет ли к нам Лена или же нет. Не отвожу от мужа неверящего взгляда. Неужели ему настолько плевать, что будет с ребенком и со мной, что он промолчит, когда есть опасность для нашей жизни? Демид тоже смотрит на меня и молчит. Стискивает челюсти и молчит. — Я скажу подготовить операционную, — краем глаза улавливаю, что Лена подходит ближе. Останавливается рядом, переключая мое внимание на себя. — Медсестра принесет тебе сорочку, в которую нужно переодеться. Давай сделаем переворот как можно скорее, чтобы ты перестала так сильно нервничать. Это не идет на пользу ни тебе, ни ребенку, — в глазах Лены светится столько поддержки, что, по идее, она должна согреть меня изнутри.

Но я, наоборот, начинаю сильнее дрожать. Не только из-за страха, но и из-за понимания, что нервничаю я куда больше из-за мужа, который все так же изо всех сил сжимает мои плечи и неотрывно наблюдает за мной.

— Для меня тоже подготовьте специальную одежду для посещения операционной, — твердый голос Демида врывается в мой заполненный переживаниями разум.

— Что? — резко возвращаю взгляд к мужу, перед глазами темнеет. Я толком испугаться не успеваю, лишь моргаю и снова встречаюсь с холодными глазами Демида.

— Ты же не думала, что я оставлю тебя наедине с той бо-

лью, через которую тебе придется пройти? — произносит даже мягко, но почему-то его слова звучат как угроза. — Нет, моя хорошая. Раз мы сделали ребенка вместе, то и с связанными с ним проблемами будем справляться вместе!

Глава 21

Лежу на кушетке, холодный воздух касается моих оголенных ног. Дрожь волна за волной проносится по телу. Липкий страх заполнил каждый уголок моей души, не дает нормально ни дышать, ни функционировать. Стараюсь не думать о том, как выгляжу — скорее всего, живой труп напоминаю. Дыхание рваное, руки подрагивают, сердце то замедляет свой ход, то снова разгоняется до невероятной скорости. Так сильно стискиваю челюсти, что зубы скрипят. Но это не помогает унять тревогу, которая пронзает меня изнутри. Мне кажется, я состою из переживаний. Ужас не только холодит тело, но и становится частью меня.

Сжимаю пальцы в кулаки, чтобы попытаться не выдать своего страха. Ведь даже несмотря на то, что мой мозг превратился в вязкую жижу, все равно не могу забыть о присутствии Демида рядом. Он стоит за моей головой, его руки лежат на кушетке, пальцы едва ощутимо касаются моих плечей. Я пыталась отодвинуться, правда, пыталась, но мне не удалось этого сделать, как и отговорить Демида идти со мной в операционную. Лена тоже сделала все, чтобы не позволить моему мужу присутствовать при столь малоприятной для меня процедуре. Но Демид был непреклонен, даже получил разрешение у главного врача для посещения операционной. А у меня не осталось сил на борьбу с ним. Хочет быть

со мной в настолько ужасный момент, пусть будет. И плевать, что присутствие мужа рядом кажется невыносимым. Я справлюсь. Справлюсь…

— Ксюш, все будет хорошо, — произносит Демид так проникновенно, словно хочет меня поддержать.

Вот только я не верю в чистоту его намерений. Не верю, что он здесь ради меня. Скорее всего, у него есть собственные мотивы, о которых я могу только догадываться.

Стоп, происходящее в голове Демида — это не то, о чем я должна сейчас думать.

Мне нужно сконцентрироваться на ребенке. Том самом ребенке, который может пострадать из-за того, что его «папочка» скрывает информацию о своей болезни.

Желудок сжимается в болезненном спазме. Паника, с которой я боролась все это время, захватывает разум. Сердце бьется так громко, что, кажется, его слышно в тишине операционной, разрываемой лишь писком прибора, который ко мне подключили.

Краем глаза замечаю, что на мониторе прыгают какие-то линии. Стараюсь не обращать на них внимания, сосредотачиваюсь на дыхании. Надеюсь, хоть так вернуть себе хоть немного равновесия.

— Ты готова? — голос Лены просачивается сквозь пелену из страха, которая отделяет меня от реального мира.

Вздрагиваю.

Тяжело сглатываю.

Судорожно вздыхаю.

— Д-да, — выдавливаю из себя, зажмуриваюсь.

Перестаю дышать.

Подруга ко мне еще не прикасается, а я уже чуть ли с ума схожу. Что будет, когда меня пронзит боль?

— Дыши, Ксюша, — голос Лены мягкий, спокойный, как всегда. Она где-то рядом, я слышу ее шаги, чувствую, как она готовится. Лена — мой якорь в этом море страха. Она знает, как я боюсь, знает, как хочу этого ребенка. Знает, что я готова на все, лишь бы услышать, что у меня есть шанс. — Сейчас будет немного неприятно, — предупреждает она.

Киваю, хотя знаю, что «немного» — это мягко сказано.

Лена кладет руки на мой живот.

Кусаю язык.

Хочется сжаться, убежать, но я остаюсь на месте. Демид накрывает мои плечи, сжимает их так сильно, будто пытается показать, что он рядом… что мне не нужно проходить через все это одной.

Только похоже, забывает, что его присутствие делает мне только хуже. Давит. Хочется вырваться, убраться от него подальше, но я ничего из этого не делаю. Вместо этого сосредотачиваюсь на дыхании, как учила Лена.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Выдох.

Вдох…

Дыхание застревает в груди. Меня словно изнутри выворачивают. Резкая боль пронзает тело, заставляет напрячься каждую мышцу. Удивительно, что еще спину не выгибаю, чтобы хоть немного ослабить агонию, вспыхнувшую в животе и моментально захватившую всю меня. Перед глазами все расплывается. Истошный крик подкатывает к горлу.

Впиваюсь зубами в язык так сильно, что металлический привкус разливается по рту.

— Расслабься, Ксюш. Чем сильнее ты напряжена, тем больнее, — мягкий голос Лены снова просачивается в разум.

Я пытаюсь слушаться, правда, пытаюсь. Но это так сложно. Каждый нерв в моем теле гудит. Все внутри кричит, что что-то не так, что это неестественно, что нужно остановиться.

Писк прибора становится громче, сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Дыши, Ксюша, — голос Демида раздается над ухом. — Дыши…

Хочу послушаться его. Хочу сделать вдох. Но не могу. Боюсь.

— Твою мать… — чертыхается муж. — Давай скорее. — Это уже не мне.

— Заткнись и не мешай, — рявкает Лена, а в следующую секунду делает какое-то резкое движение, из-за которого клубок боли, все нарастающей во мне, моментально взры-

вается.

Крик такой силы срывается с моих губ, что даже у меня уши закладывает. Перед глазами темнеет. Все тело горит.

А разум… он уплывает.

— Ксюша, — встревоженный голос Демида доносится словно издалека. — Ксюша, ты в порядке? — Он действительно переживает. Даже слегка встряхивает меня. — Ты что, блядь, натворила? — его рев, явно направленный на Лену, последнее, что я слышу, прежде чем погрузиться в темноту.

Глава 22

Противный писк пробирается в затуманенное сознание.

Не сразу понимаю, где я и что произошло.

Да и вообще ни о чем не хочу думать.

Сейчас мне хорошо, спокойно, безмятежно. Так, как давно не было. Меня словно качает на волнах, а вокруг нет ничего, кроме… писка.

Всеми силами стараюсь его игнорировать. Делаю глубокий вдох и медленный выдох. Вдох. Выдох…

Вот только писк никуда не девается. Раздражает до безобразия. Сердцебиение разгоняется, а противный звук учащается.

Как бы я ни пыталась раствориться в умиротворении, которое я испытывала всего несколько минут назад, у меня ничего не получается. А вдобавок к писку откуда ни возьмись появляются еще и навязчивые мысли. Смысл их получается уловить далеко не сразу, но даже несмотря на путаницу в голове, где-то на краю сознания понимаю, что я должна вспомнить что-то важное.

Силюсь вернуть себе контроль над собственным телом. Стараюсь начать мыслить более-менее связно.

И у меня получается, потому что в следующий момент каждая мышца в моем теле натягивается как струна.

Малыш!

Мой малыш!

Дыхание сбивается.

Распахиваю веки и… ничего не вижу.

Моргаю.

Все еще темно.

Паника тонкими щупальцами проникает в мой разум, пытается захватить его полностью, но я не позволяю. Ведь уже сталкивалась с подобным. Снова прикрываю веки. Пару самых долгих секунд в моей жизни жду.

А потом снова открываю глаза.

Свет — первое, что обрабатывает мой все еще не пришедший в себя мозг. Лишь потом мне удается рассмотреть белые квадраты на потолке и огромные прямоугольные лампы. Такие же как в операционной.

Желудок сжимается в болезненном спазме.

Дыхание застревает в груди.

Начинаю возиться на кровати. Но даже повернуться не могу, не говоря уже о том, чтобы встать. Такое чувство, что меня придавило к самому жесткому на свете матрасу.

Тогда на свой страх и риск поднимаю ставшую жутко тяжелой руку и кладу ее на оголенный живот. Все еще большой и теплый, и…

— Он в порядке, — мягкий голос Лены я узнаю из тысячи. Вот только облегченно выдохнуть почему-то не получается.

Поворачиваю голову к подруге, которая как раз входит в палату. Лена в темно-синем костюме врача быстро преодоле-

вает расстояние до кровати. Останавливается рядом со мной. Быстро осматривает меня и переводит нахмуренный взгляд на монитор.

Не знаю, как она там что-то понимает, но уже через мгновение на ее губах появляется легкая улыбка.

— Все в порядке, — ее плечи опускаются, а я наконец выдыхаю.

По телу разливается тепло, мышцы слабеют. Мне приходится приложить невероятные усилия, чтобы удержать ладонь на животе. Не могу избавиться от ощущения, что чувствую сердцебиение малыша, но понимаю, что это просто игра моего воображения.

Мне требуется некоторое время, чтобы начать более или менее соображать, а потом я задаю волнующий меня вопрос:

— Что произошло? — голос хрипит, наверное, потому что во рту пустыня.

Но жажда — это последнее, о чем я собираюсь волноваться. У меня полно других забот. Например, мой многострадальный малыш, чья жизнь постоянно находится под угрозой.

Лена еще какое-то время смотрит на монитор, после чего опускает голову и мягко, но с долей профессионализма смотрит на меня.

— Я перевернула твоего ребенка, теперь он лежит в верном положении головкой вниз, — посылает мне ободряющую улыбку, благодаря которойостатки напряжения поки-

дают меня. Жаль, что ненадолго. — Только ты у нас оказалась… хиленькой, — уголки ее губ подрагивают.

Свожу брови к переносице. Не понимаю, переживать или нет. Благо, Лена решает меня не мучить.

— Ты от боли потеряла сознание. Испугала нас всех. Мы почти сразу привели тебя в сознание, но ты была настолько вялая, что моментально уснула. Хорошо хоть на мои вопросы смогла ответить, прежде чем снова вырубиться, — качает головой. — Я решила дать тебе отдохнуть, заодно понаблюдать за твоим состоянием. Но сейчас точно могу сказать, что с тобой и с ребенком все хорошо. Поэтому расслабься, мамашка, опасность миновала, — Лена кладет ладонь на мою руку, лежащую на матрасе, едва ощутимо сжимает мои пальцы. — Я пришлю к тебе медсестру, чтобы та взяла кровь на анализы. Еще пару часов за тобой понаблюдаю. Но уже сейчас могу сказать, что уже сегодня ты сможешь вернуться домой.

Подруга смотрит на меня открыто. Пытается передать мне всю уверенность, которая только в ней есть? И у нее даже получается. Я тоже улыбаюсь, но уже в следующий момент тревога ко мне возвращается.

— А Демид? Где он? — сиплю, так сильно сдавило мое горло.

Радушное выражение тут же спадает с лица подруги.

— Вышел рабочие вопросы по телефону обсудить, — нехотя произносит она.

А у меня внутри все обрывается.

Паника возвращается.

Черт!

Черт!

Черт!

Почему он просто не может оставить меня в покое? Лучше бы вернулся к Альбине. Зачем ему я?

— Он чуть операционную не разнес, и меня собственными руками едва не придушил, когда ты сознание потеряла. Наверное, думал, что я тебя убила, — Лена закатывает глаза. — Медсестра и страхующий врач еле его удержали. Успокоился он только, лишь когда твой голос услышал, — тяжело вздыхает.

Я вроде бы слышу слова Лены, понимаю, что она говорит, но сказанное ею не укладывается в голове. Демид думал, что потерял меня, поэтому взбесился? Я правильно понимаю?

Господи, да что с ним не так?

Он же сам меня оттолкнул. Сам променял меня на свою любовницу. Зачем ему я? Зачем?

К сожалению, ответ на этот вопрос знает только Демид. И судя по всему, делиться со мной своими мыслями муж не собирается.

Да, и я разговаривать с ним не хочу. Вот только у меня нет выбора… Или есть?

— Лена, можно тебя попросить? — облизываю пересохшие губы, тяжело сглатываю. — Можешь меня не выписы-

вать сегодня? Пожалуйста…

Глава 23

Весь день проходит словно в тумане.

Хоть опасность для ребенка миновала, но мне легче не становится. Да и расслабиться не получается. Демид же постоянно находится поблизости, а я никак не могу придумать, как от него избавиться. Вот был бы у меня телефон…

Но в своих вещах я его не нашла.

Оказывается, Демид его забрал, даже несмотря на то, что гаджет был разряжен. Я сначала хотела начать спорить с мужем, ругаться, но, когда услышала «Телефон тебе пока не нужен, как только он понадобится, я сразу же его верну», поняла, что смысла никакого нет.

Тем более, я попросила Лену о еще одном одолжении — первое она выполнила, оставив меня в палате на двадцать четыре часа. Вот только пойдет ли она мне на встречу второй раз, я не знала. В любом случае, пока я находилась под пристальным наблюдением Демида, который покидал мою палату только для того чтобы поговорить с кем-то по телефону, самостоятельно сделать ничего не могла.

У меня все чаще возникала мысль вызвать охрану, чтобы они вывели моего мужа из палаты под конвоем, но я отмахивалась от нее, понимая, что этим только подергаю тигра за усы. Тем более, когда есть шанс избавиться от него навсегда. Но это при условии, что Лена выполнит еще одну мою ма-а-

а-аленькую просьбу.

Черт! Почему же все так сложно? Почему я не могу как другие беременные женщины наслаждаться своим положением? Ждать малыша? Покупать для него пеленки-распашонки? Готовить детскую комнату? Обсуждать с любимым мужем, кем станет наш малыш, когда вырастет? Почему все та-а-ак сложно?

Раньше, когда я только надеялась на то, что у меня будет ребенок, так и представляла свою беременность. Но реальность оказалась куда жестче, сложнее, страшнее.

Мой муж оказался психопатом, который решил, что может владеть мной как своим Якорем. Меня передергивает, стоит последнему слову появиться в голове. Раньше мне нравилось, когда муж называл меня так необычно. Это слово ассоциировалось с чем-то теплым. Нежным. А сейчас меня от него воротит.

Какой, нахрен, я Якорь, когда Демид спит с другой?

Целый день не могу избавиться от гнетущих мыслей. Они настолько тяготят, давят на меня, что я не замечаю, как вырубаюсь. Или, возможно, я устала от перманентного стресса, который появился в моей жизни с возвращением в нее Демида. Но это и неважно, главное, что меня засасывает в спасительную дрему, где нет ни мужа, ни переживаний о будущем, ни опасности потерять зрение, которая все еще висит надо мной.

Во сне так хорошо и спокойно, что мне хочется остаться

в нем навечно.

Вот только судьба ко мне не так благосклонна, поэтому в какой-то момент меня вытягивает хоть и приглушенный, но полный ярости голос мужа:

— Ты уверен, что это они?

Сон как рукой снимает. С силой зажмуриваюсь, борясь с желанием распахнуть веки и посмотреть на выражение лица Демида. Интуиция кричит, что сейчас выдавать себя не стоит. Не знаю, что именно так разозлило мужа, но я давно не слышала настолько сильного гнева, пропитавшего его голос. С того самого момента, когда Демид забрал меня слепую из больницы и привез домой. Происходящее в спальне стараюсь не вспоминать, вот только тело реагирует без моего ведома — кожа покрывается мурашками, желудок сжимается в болезненном спазме.

— Понял, — цедит муж, явно сквозь стиснутые зубы. — Найди, где они остановились. Я хочу с ними… пообщаться, — последнее слово пропитано чистейшей угрозой.

Мне не нужно даже смотреть на Демида, чтобы понять — он находится на грани.

Инстинкт самосохранения кричит: «Беги, рядом с тобой монстр, который вот-вот сорвется с цепи».

Разум вторит ему: «Не двигайся! Не провоцируй!».

Не знаю, кого лучше послушать.

Но на всякий случай стараюсь дышать медленно, равномерно. Расслабляю веки. Прикусываю язык.

Делаю все, чтобы любой человек, который посмотрит на меня, подумал, что я нахожусь в глубокой фазе сна. А сама превращаюсь в слух.

— Жду звонка, — чеканит Демид, после чего раздается оглушающая тишина.

Чего мне только стоит сохранять спокойствие, даже представить сложно. И я не думала, что может стать еще тяжелее, когда я слышу злобное рычание мужа:

— Вот же твари! Мало я им плачу, да? Ну посмотрим, как вы запоете, когда я до вас доберусь.

Во рту пересыхает. Дыхание застревает в груди.

Не знаю, что думать.

Не понимаю, кто так мог взбесить моего обычно показательно безразличного ко всему мужа.

В следующую секунду обо всем забываю, ведь слышу тяжелые шаги, которые быстро приближаются. А стоит им прекратиться, жар чужого взгляда опаляет щеки.

На мгновение забываю, что нужно продолжать дышать, чтобы не выдать себя. Но уже в следующее — медленно, едва слышно выдыхаю. Легкие жжет, когда я делаю вдох. Но не так сильно, как щеки, которые буквально пылают.

Надеюсь, Демид в полутьме палаты не увидит красноты моего лица, иначе это точно ничем хорошим не закончится.

Понятия не имею, сколько муж непрерывно смотрит на меня сверху вниз, а я притворяюсь спящей. Наверное, долго, ведь стоит услышать его приглушенный голос, в котором все

еще прослеживаются хоть и менее отчетливые, но все-таки гневные нотки, едва ли не вздрагиваю:

— Тебе так интересно, почему я не говорю, что за болезнь может передаться нашему ребенку? — на мгновение замолкает. После чего огорошивает меня окончательно. — Чтобы ты испугалась и отказалась от него еще до рождения! Нет, моя дорогая. Ты родишь и будешь любить его таким, какой он есть. Поняла меня?

Глава 24

— Собирайся, — Лена врывается в палату сразу после завтрака и бросает на кровать мою одежду, в которой я пришла в больницу. Плиссированная юбка попадает мне прямо на колени, задерживается на них, а блузка соскальзывает на пол.

Подруга, которая накинула белый халат поверх обычных джинсов и черного бомбера, выглядит совсем взбудораженной. Она то и дело оглядывается по сторонам, сжимает-разжимает кулаки.

Тревога Лены передается и мне. Горло сдавливает, желудок сжимается.

Отталкиваюсь от спинки кровати, сажусь прямо, насколько это возможно с моим животом.

— Что случилось? — произношу словно не своим голосом, так тихо он звучит.

— Ты уходишь! — чеканит Лена.

Внутри все ухает вниз. Глаза широко распахиваются. Рот приоткрывается.

— Ты же сказала, — тяжело сглатываю в попытке смягчить саднящее горло, — что я могу остаться на двадцать чет…

— Твою мать, Ксюша! — обрывает меня на полуслове подруга. — Да не выгоняю я тебя, — снова оглядывается через

плечо на дверь. — Я твою просьбу выполнила. Но нам надо спешить, пока твой Демид занят срочным звонком.

— Откуда…? — «ты знаешь» повисает в воздухе, потому что мне удается сложить два и два.

Ох, черт!

Неужели удача все-таки ко мне вернулась?

Бабочки снова начинают порхать у меня в животе, задевая его стенки своими крылышками.

Всего мгновение сижу неподвижно, а в следующее — вскакиваю с места. Ну как вскакиваю. Скорее, перекатываюсь. С силой стаскиваю ноги с кровати, по пути стараясь снять больничную сорочку. Вот только мои потуги оказываются тщетными, поэтому приходится прибегнуть к помощи Лены, которая не просто любезно предложила мне свои услуги, а, скорее, навязала их.

Подруга помогает не только избавиться от сорочки, но и одеться. Поэтому не проходит много времени, прежде чем я оказываюсь полностью готова.

— Жди здесь, — велит Лена, когда я засовываю ноги в шлепки, которые тоже оказываются моими.

«Похоже, подруге пришлось прибегнуть к своим связям в больнице, чтобы достать мои вещи», — думаю о чем угодно, стараясь разбавить волнение, которое электрическими разрядами потрескивает в разных уголках тела.

Прохожусь языком по пересохшим губам, тру кончики пальцев, пока Лена подлетает к двери, приоткрывает ее и вы-

глядывает в образовавшуюся щелочку.

— Пошли, — оборачивается ко мне, головой указывает на дверь, которую шире распахивает.

Подхожу к подруге и по совместительству моему гинекологу так быстро, как только могу с моей-то черепашьей скоростью. Лена тут же хватает меня за руку, но дальше пройти не дает. Удерживает меня на месте, пока сама снова выглядывает из палаты.

— Можно, — командует шепотом, вытаскивая меня в коридор, после чего направляется в сторону лифтов. По пути с ней здороваются медсестры, пациенты. Лена всем лишь кивает, ни на мгновение не останавливаясь.

Подруга идет так быстро, что я едва за ней успеваю. А еще чувствую себя максимально глупо, убегая из больницы подальше от мужа.

Когда моя жизнь превратилась в сплошной сюр?

Ответ на ум приходит мгновенно: «после того, как Демид мне изменил».

Боль в сердце становится нестерпимой. Дышать тяжелеет. Я думала, что пережила сущий ад на земле, застав мужа с другой женщиной, будучи беременной, а потом слепой сбежав от Демида. Но как оказалось — это только начало моих страданий, и муж не собирается оставлять меня в покое. Демид ведет со мной совсем не как тот любящий мужчина, за которого я вышла замуж, а как полнейший неадекват.

Поэтому побег от него — это единственный верный вари-

ант из всех возможных.

Сама не замечаю, как мы с Леной достигаем лифта. Двери прямо перед нами разъезжаются, и нам навстречу выходит мужчина в черном костюме.

Желудок ухает вниз. Сердце пропускает удар. Прирастаю к полу. Стою всего мгновение, а в следующее понимаю… это не Демид.

Облегченный выдох вырывается из меня, мышцы слабеют. Понимаю, что нужно уйти с дороги вслед за Леной, но ноги не слушаются.

Поэтому мужчине самому приходится обогнуть меня, при этом он недовольно цокает языком. Жар прилетает к моим щекам, прежде чем Лена буквально запихивает меня в кабину лифта, после чего заходит сама и нажимает кнопку первого этажа.

Желудок то и дело сжимается в тревожных спазмах. И это не прекращается, даже когда створки перед нами открываются и в тамбуре никого не оказывается.

Сколько бы я ни пыталась избавиться от плохого предчувствия, у меня ничего не получается.

Оно колючими мурашками распространяется по коже, вызывает давление в висках.

Наверное, поэтому не сразу замечаю, что мы с Леной идем не к главному выходу, а к запасному.

— Демид узнает, что ты мне помогла, — бормочу себе под нос, чувствуя, как ноша ответственности ложится на мои

плечи.

— Я знаю, — выдыхает Лена, даже не оборачиваясь, при этом продолжает тянуть меня за собой.

— Он… — резко замолкаю, боясь даже представить, что может сотворить человек, в которого превратился когда-то мой горячо любимый муж.

— Пусть только попробует что-то сделать, — угрожающе шипит Лена, подходя к пластиковой двери и толкая ее. Солнце тут же бьет в глаза, поэтому приходится зажмуриться, чтобы хоть немного утихомирить резь в них. — На любого козла найдется управа. Твой — не исключение, — выплевывает, вытаскивая меня на улицу. Распахиваю веки как раз в тот момент, когда Лена останавливается и отходит в сторону. — Иди скорее, тебя ждут, — указывает подбородком на черную машину, стоящую посреди скорых и выглядящую так, будто она пытается затеряться.

Все нелепые мысли тут же покидают мою голову, когда я понимаю, что Лена все-таки выполнила просьбу, позвонив единственному человеку, который может мне помочь. А уже в следующий момент в этом убеждаюсь, ведь из автомобиля выходит никто иной, как Руслан.

***

Девочки, СУПЕР-НОВОСТЬ!

У меня вышла НОВИНКА!

РАЗВОД. НЕ ВОЗВРАЩАЙ МЕНЯ ## https://litnet.com/shrt/uitI

— Только не начинай, — тяжело вздыхает муж, застегивая пуговицу на брюках и берясь за ремень. — Ничего непоправимого не случилось, — пожимает плечами.

— Ничего не случилось? — невидяще выдыхаю. — Когда ты делал мне предложение, обещал любить меня, заботиться обо мне… — голос скрипит, горло дерет, но я сглатываю и продолжаю, — уважать меня. А сам изменяешь со своей бывшей девушкой на празднике, который я организовала специально для тебя. Кто так поступает, Максим? Кто? Почему ты решил предать меня? Почему? — всхлипываю.

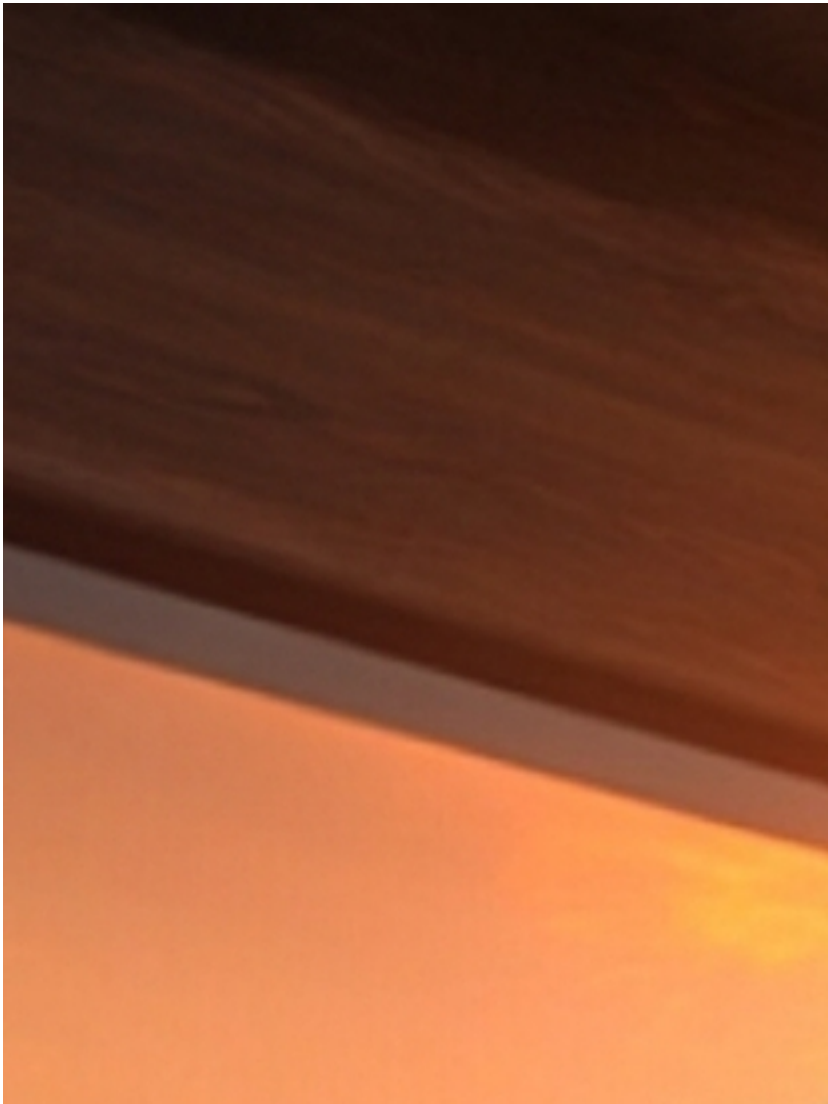
Муж всего мгновение вглядывается в мое лицо, а потом безразлично заявляет:

— Потому что Альбина решила мне сделать "подарок" на День рождения, а я не видел смысла отказываться.

Я думала, что измена мужа — это худшее, с чем мне придется столкнуться. Но даже представить себе не могла, что застряну с ним и его любовницей в домике в горах в то время, как за окном будет самая настоящая снежная буря.

ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ

https://litnet.com/shrt/uitI

Глава 25

— Спасибо, что приехал, — выпаливаю, когда Руслан занимает водительское место и заводит двигатель автомобиля.

Он оглядывается по сторонам, прежде чем кивнуть Лене, все еще стоящей у заднего входа в больницу и посылающей мне мягкую улыбку через лобовое стекло.

Прежде чем отпустить меня к Руслану, подруга сунула мне в руки визитку со своим номером, помня, что мой телефон остался в «заложниках». И строго настрого велела позвонить ей, когда я устроюсь на новом месте, чтобы она подобрала для меня хорошего гинеколога и офтальмолога, которые смогут сохранить мое зрение.

Я очень сильно благодарна Лене за помощь, но не стала говорить ей, что в городке, куда меня собирается отвезти Руслан, нет никого подобного.

Уверена, узнай она правду, то самолично примчалась бы ко мне вместе с офтальмологом, лишь бы контролировать мои роды и зрение. Вот только такой финт ушами не безопасен не только для меня, но и для нее. А в Москву я больше ни ногой.

Поэтому придется уповать на удачу. Хотя, может, есть какой-нибудь другой город, куда еще не дотянулись лапы моего мужа? Нам с Русланом предстоит дальняя дорога, поэтому я точно смогу выяснить все мне необходимое.

— Не за что, — бурчит себе под нос друг мужа, выезжая с парковки для скорых.

Махаю Лене на прощание, ловлю еще одну ее улыбку и откидываюсь на спинку кресла.

Прикрываю глаза.

Я так устала.

Даже несмотря на то, что спала всю ночь, не чувствую себя отдохнувшей. Наверное, потому что Демид все это время был рядом. Он оккупировал диван у окна, вставая с него только, чтобы позвонить по работе или в туалет. Ему даже еду в мою палату доставляли — понятия не имею, как ему это удалось провернуть.

Но это и не важно.

Главное, что под наблюдением Демида у меня расслабиться толком не получалось даже во сне. Да и его странный телефонный разговор, который закончился обвинением меня в том, что я могу бросить своего малыша, не давал мне покоя. Нехорошее предчувствие поселилось в моей душе и не оставляет до сих пор.

А что если Демид не врал и нашему ребенку действительно передается его болезнь? Что это, черт побери, может быть? Тот факт, что я не смогла выяснить у мужа правду, гложет меня так сильно, что я думать почти ни о чем другом не могу.

— Как там твоя сестра? — спрашиваю первое, что приходит в голову, лишь бы отвлечься от гнетущих мыслей.

— Переживает, — хмыкает Руслан. — Телефон мне оборвала с просьбами найти тебя и убедиться, что ты в порядке. Даже приехать грозилась. Еле отговорил ее. Она не прекращала мне названивать, пока я не сказал, что видел тебя. Даже после того, как я сообщил, что ты в порядке, она все равно несколько раз спрашивала: «Точно-точно?», — из него вырывается смешок.

Мои губы тоже трогает улыбка. Типичная Оля. Если ей что-то нужно, она пристанет к человеку и не слезет до тех пор, пока не получит желаемого.

— Ничего. Скоро мы увидимся, и она сама убедится, что со мной все хорошо, — глубоко вздыхаю и медленно выдыхаю в попытке успокоить куда-то несущееся сердце.

— Не скоро, — голос Руслана звучит так глухо, что кажется, будто из-за стекла раздается.

— Что? — резко распахиваю веки, когда до меня доходит смысл слов, сказанных другом мужа.

Поворачиваю голову, смотрю на него хоть мутным, но пристальным взглядом.

— Не скоро, говорю, вы увидитесь, — громче повторяет Руслан, не отводя внимательного взгляда от дороги.

Он так сильно стискивает руль, что костяшки его пальцев белеют. Становятся почти такого же цвета, что и его рубашка с рукавами, закатанными до локтей.

Сердце разгоняется до такой скорости, что его стук отдается пульсацией в висках. Желудок стягивается в тугой узел.

Оглядываюсь по сторонам, пытаясь определить дорогу, по которой мы едем. Не узнаю ее, но точно могу сказать, что ведет она не за город, а, наоборот, куда-то в центр.

— Мы едем не в твой родной город? — задаю вопрос, который сейчас волнует меня больше всего.

— Нет, — чеканит Руслан, глаз от дороги не отрывает.

У меня же внутри все переворачивается.

— А куда? — произношу на выдохе.

Тяжело сглатываю, пытаясь смочить резко пересохшее горло.

— Послушай, ты же хочешь знать, что с Демидом не так? — Руслан бросает на меня короткий, но проникновенный взгляд, прежде чем вернуть свое внимание дороге. Киваю, не в силах говорить. Но друг мужа, похоже, замечает мой жест краем глаза или просто так решает продолжить, потому что в следующий момент заявляет: — Я тоже. Мы столько лет дружим, а я ни слухом, ни духом. Не понимаю, как он мог скрывать свою болезнь. Если она есть вообще. Поэтому… — на мгновение прерывается, будто хочет подобрать подходящие слова. И, видимо, находит их, раз выдает: — как насчет того, чтобы познакомиться с родителями Демида?

***

Девочки, а вы не пропустили мою новинку?

Если вдруг пропустили, заглядываете обязательно https://litnet.com/shrt/u3nz

Глава 26

Мгновение сижу неподвижно, а в следующее — резко выпрямляюсь. Перед глазами появляются черные точки. Но это не мешает мне выдавить из себя замогильным тоном вопрос:

— Что ты сказал?

Желудок сжимается настолько в тугом спазме, что меня начинает мутить. Завтрак, который я съела в больнице, просится наружу. У меня едва получается удержать его в себе, тяжело сглотнув. А вот от холодного пота, выступившего на лбу и позвоночнике, просто так избавиться не получается.

— Ты тоже не знала, что они живы, да? — голос Руслана доносится до меня словно издалека.

Слабость прокатывается по телу, поэтому я просто откидываюсь обратно на сиденье и просто медленно кручу головой из стороны в сторону. Хорошо, что мне ничего говорить не приходится, потому что Руслан снова бросает на меня короткий взгляд.

— Понятно, — горько усмехается лучший друг моего мужа.

Он, явно, чувствует себя преданным. Как и я, в принципе. Только сейчас осознаю, что совсем не знала Демида, даже когда он был нормальным. Муж столько от меня скрывал, что появляется ощущение, будто мне показывалась лишь маска, под которой была настоящая личина Демида. Десять лет! Де-

сять долбаных лет я думала, что родители моего мужа мертвы. Погибли в автокатастрофе, как он мне сказал. А оказывается, они все это время были где-то поблизости, просто Демид не собирался нас знакомить. Господи, да что с ним не так?

— Я тоже не знал, — тихие слова Руслана пробираются в мой заполненный болью предательства разум. — А потом ты сказала о болезни Демида, и я не полез в его личные файлы, пытаясь узнать, что не так с моим лучшим другом. До больничных записей мне добраться не удалось. Их электронная версия оказалась изъята из картотеки лечебных учреждений — это точно Демид постарался, — зато банковские данные он никогда от меня не скрывал. Сама догадаешься, что я там нашел, или рассказать? — Руслан останавливается на светофоре и вперивает в меня вопросительный взгляд.

— Расскажи, — выдавливаю из себя, когда понимаю, что на этот раз он без моего участия продолжать не собирается.

— Ну смотри, ты сама напросилась, — уголок губ Руслана ползет вверх, образуя коварную ухмылку. Друг мужа пару секунд предупреждающе смотрит на меня, прежде чем сосредоточиться на дороге, ведь загорается зеленый свет. — Демид все последние пятнадцать лет платил своим родителям, чтобы те не появлялись в его жизни, — выдает и трогается с места.

Я же едва не роняю челюсть на пол. Мне требуется пару долгих секунд, чтобы в полной мере осознать, что именно

сказал Руслан, а потом выдыхаю.

— Что? — понимаю, что повторяюсь, но на большее я не способна.

— Представляешь? — друг мужа качает головой, ловко маневрируя среди потока машин. — Я об этом узнал, когда с ними связался. Сначала не хотел им верить, но банковские операции были передо мной, и уж они точно не врут. Поэтому я и предложил родителям Демида встретиться, чтобы выяснить, что именно скрывает от меня мой лучший друг. Ну и конечно, родителям должно быть известно, чем болен их сын. Они согласились пообщаться, поэтому мы с тобой сейчас едем на встречу с ними.

Изо всех сил пытаюсь переварить услышанное. Но сказанное Русланом все равно не хочет укладываться в голове.

Демид платил своим родителям, чтобы те не появлялись в его жизни? Но зачем? Какая может быть причина подобного решения?

А что если они больны той же болезнью, что и муж, и Демид просто не хотел, чтобы все узнали о его состоянии?

Или же родители могли раскрыть его истинную личность передо мной и другими «близкими» людьми?

А может, информация, что с Демидом что-то не так, помешала бы ему в бизнесе?

Да, это более вероятный вариант. Руслан же, по-моему, сказал, что Демид платил им последние пятнадцать лет, а тогда мы с мужем еще знакомы не были.

Из-за обилия предположений начинает жутко болеть голова. Виски так сильно сдавливает, что приходится потереть их круговыми движениями, чтобы хоть немного ослабить неприятные ощущения.

Нахожусь в полнейшем раздрае. Борюсь с ним, что есть силы. Стараясь сосредоточиться на дыхании, а не думать о том, что вся моя жизнь была сплошной ложью. Наверное поэтому не сразу понимаю, что мы с Русланом добрались до нужного места.

Лишь когда машина останавливается, а я через лобовое стекло замечаю высотное стеклянное здание и вывеску кафе «Паста-Рицца», сразу понимаю, что нам туда.

На всякий случай уточняю у Руслана, и он подтверждает мою догадку. Мы вместе выходим из машины и направляемся в кафе с уютным интерьером в стиле сериала «Друзья», что я сразу отмечаю, когда мы заходим внутрь. Людей почти нет, скорее всего из-за того, что еще раннее утро. Только несколько человек пьют кофе, при этом делают что-то в своих ноутбуках.

Официант провожает нас к паре за столиком в дальнем углу, находящемся у окна, и исчезает, предупредив, что скоро принесет меню.

Сразу понимаю, что мы пришли, куда нужно, потому что стоит мужчине с отчетливой сединой в черных волосах и деловом костюме поднять глаза — я узнаю в них своего мужа. Не только темно-зеленый, переходящий в черный цвет, при-

влекает мое внимание, но и прищур, который появляется, когда, явно, отец моего мужа, осматривает с ног до головы сначала Руслана, а потом переключается на меня.

— Здравствуйте, я Руслан. Мы с вами договаривались о встрече, — берет на себя инициативу друг мужа. — А это жена Демида, Ксюша, — Руслан подходит к столу, отодвигает стул с противоположной стороны от родителей мужа, рукой приглашает меня сесть.

Вот только я сдвинуться с места не могу. Меня пригвождает к полу пронзительным взглядом женщина в возрасте с темными, без сомнений, окрашенными волосами.

Мать Демида, если я правильно поняла, широко распахнутыми, полными ужаса глазами долго смотрит на мой живот, прежде чем поднять голову и заглянуть мне в лицо.

— Это его ребенок? Ребенок Демида? — произносит шепотом, будто голос ей отказал. Я настолько в шоке от такого «радушного» приветствия, что даже ответить нормально не в силах, поэтому едва заметно киваю. Женщина тут же отшатывается, жмется к своему мужу и слишком громко произносит: — Он будет таким же монстром, как и мой сын!

Глава 27

Хватаю ртом воздух.

Закрываю живот ладонями.

Отступаю на несколько шагов.

Делаю все на автомате, при этом шокированного взгляда на родителей мужа не отвожу.

В голове крутится всего одна мысль: «Нужно бежать от этих людей. И как можно скорее».

Как можно еще нерожденного ребенка назвать монстром? Как?

Может, не просто так Демид скрывал своих родителей ото всех знакомых? Может, они не такие же уж невинные, какими кажутся на первый взгляд?

Если посмотреть со стороны, то увидишь вполне обычную возрастную пару: статного мужчину с отчетливо проглядывающей сединой в темных волосах и дрожащую худощавую женщину с острыми скулами и тонкими губами. Глаза моей… свекрови расширились от форменного ужаса, поэтому она ищет защиты у единственного человека, который может ее дать — у своего мужа. И это даже кажется милым, если не смотреть на картину в общем.

Вот только я не невольный свидетель, а самый настоящий участник происходящего. Поэтому понимаю: «Все не так просто, как кажется на первый взгляд».

Внутри словно пружина стягивается. Она становится настолько плотной, что не остается сомнений — еще немного и я взорвусь. Стоять на месте становится почти невозможно. Все тело гудит. Оно толкает меня отойти как можно дальше от родителей мужа. Заставляет чувствовать себя, словно я действительно ношу в себе антихриста. Не меньше.

— Ксюш, иди сюда, — зовет меня Руслан, привлекая мое внимание и отвлекая от бредовых мыслей.

Еще мгновение сосредоточенно смотрю на родителей мужа, после чего перевожу взгляд на его друга.

На лице Руслана отражается самая настоящая поддержка, с легкостью считываю слова, которые он мне пытается передать: простые, но очень важные слова: «Я рядом».

Наверное, поэтому вместо того, чтобы последовать инстинкту убежать как можно дальше, ноги сами по себе несут меня вперед.

Не замечаю, как добираюсь до Руслана. Как сажусь за стол тоже остается для меня загадкой. Лишь в момент, когда друг мужа занимает место рядом и кладет ладонь на мое бедро, прихожу в себя.

Каждая мышца в моем теле напрягается. Первая мысль — сбросить нежеланную руку со своей ноги, но почему-то я себя останавливаю. Наверное понимаю, что другой поддержки мне ждать не стоит. А под уничтожительными взглядами родителей мужа хочется превратиться как минимум в точку, которую невозможно будет отследить в огромном простран-

стве кафе, как максимум — в невидимку. Последнее, точно лучше.

Сердце колотится в груди так сильно, что кажется вот-вот выберется наружу. Мысли скачут с одной на другую, пытаясь хоть на чем-то остановиться. Дыхание то и дело прерывается. Но глаз от родителей мужа, которые тоже вовсю смотрят на меня, не отвожу.

Боюсь, что кто-то из них может схватить столовый нож и воткнуть мне прямо в живот. Понимаю, что это просто очередной бред, который вводит меня в еще большую панику, но ничего поделать с собой не могу. Жмусь к спинке стула, напрягаюсь до предела и готовлюсь в любой момент вскочить на ноги. Лишь пальцы Руслана, которые с силой стискивают мое бедро, не дают мне сдвинуться с места.

И это даже хорошо, ведь меня едва не подкидывает из-за того, что в следующий момент заявляет моя собственная свекровь:

— Ты не боишься? — она указывает подбородком на мой живот, при этом изо всей силы прижимается к боку своего мужа.

Не знаю, что именно выводит меня из себя: то ли женщина, которая кажется совсем неадекватной, то ли ее отношение к моему ребенку, но я не выдерживаю.

— Чего именно я должна бояться? — спрашиваю, выпрямляю спину так сильно, что мышцы начинают поднывать. — Это же всего лишь ребенок, — снова кладу ладонь на жи-

вот, тру его кончиками пальцев, чувствуя, как малыш отвечает мне ударом пяточки.

Тепло разливается в груди, но уже через мгновение заливается лютым холодом, когда я вижу, как свекровь кривится, замечая мой машинальный жест.

— Я тоже когда-то так думала. Ждала своего ребенка с нетерпением. Покупала ему одежки, даже комнату в голубенькие обои переклеила. Была самой счастливой, когда носила малыша под сердцем, и даже после того, как родила его, чувствовала, как мое сердце разрывается от любви к своему ребенку. Я смотрела на прекрасное личико Демида и не могла нарадоваться своему ангелочку. Вот только много времени не прошло, прежде чем он стал самым настоящим дьяволом в милом детском обличии, — вздрагивает женщина. — Меня, кстати, Алевтина Павловна зовут, приятно познакомиться, — ее ремарка вводит меня в максимальную растерянность. Уж слишком резко свекровь перевела тему.

Хочется столько всего спросить у… Алевтины Павловны. Задать тонну вопросов, но горло сдавливает с такой силой, что едва получается втягивать воздух.

Хорошо, что Руслан берет инициативу на себя.

— Чем болен Демид? — спрашивает он, буквально впиваясь пальцами в мое бедро.

Мгновение ничего не происходит, а в следующее — отец моего мужа хмурится:

— А вы не знаете? — его глаза сужаются до тонких ще-

лочек.

Мужчина, чье имя, судя по отчеству моего мужа, Юрий, медленно переводит взгляд с меня на Руслана и обратно. Похоже, ждет ответа, который я не способна ему дать. Зато Руслан с легкостью отвечает:

— Нет, — единственное слово, слетевшее с его губ, вызывает у родителей моего мужа самое настоящее удивление.

Но уже в следующую секунду свекор откидывается на спинку стула и складывает руки на груди, при этом отодвигает от себя Алевтину Павловну, явно до сих пор находящуюся в шоке, и качает головой.

— Ну это в стиле Демида, — закатывает глаза. — Сначала он весь из себя такой хороший, а потом превращается в самое настоящее чудовище, правда? — ловит мой взгляд и выгибает бровь.

Дар речи ко мне так и не возвращается, как и возможность нормально соображать. Зато я могу едва заметно кивнуть, задерживая дыхание.

Предвкушение волнами разносится по телу, соединяясь со страхом, заставляет меня ерзать на стуле.

«Что не так с Демидом? Что?!» — хочется прокричать.

Вот только ни слова не удается из себя выдавить.

Зато в себя приходит свекровь.

— Твой ребенок будет таким же, — обхватывает руками чашку с кофе, стоящую перед ней. Будто это единственная опора женщины, помогающая продолжать говорить: — Ты

будешь думать, что у тебя растет вполне нормальный малыш. Будешь его боготворить, землю под его маленькими пяточками целовать, а потом словно по щелчку пальца все изменится, — замогильным тоном предостерегает меня Алевтина Павловна, глядя мне прямо в глаза. — Он перестанет спать. Начнет все крушить, громить. Когда что-то будет не по нему, твой ангел будет бросаться в тебя игрушками. Сколько у меня было синяков — не сосчитать, — заправляет волосы за ухо, едва заметно касается глаза, словно до сих пор чувствует отголоски боли. — А когда немного подрастет, начнет ловить адреналиновый кайф: прыгать по высоткам или жечь костры. Ну и девчонок начнет приводить. Демида со старшей его лет на пять девочкой мы поймали у нас дома, когда ему было тринадцать. Впервые поймали, — кривится от отвращения. — Но не пройдет много времени, прежде чем он запрется у себя в комнате, обвиняя тебя в том, что ты его родила. А все потому, что ему что-то не понравилось, — ведет плечами в попытке сбросить напряжение. — И это только самое безобидное, что делал Демид, будучи ребенком, — ее глаза наполняются слезами.

Расстройство женщины кажется мне наигранным, как и крокодильи слезы, и шмыгание носом.

Пока то, что Алевтина Павловна описала — это обычное поведение гиперактивного ребенка.

Возможно, в этом проблема? Или у Демида какие-то проблемы с контролем гнева?

Пока я теряюсь в догадках, Руслан кажется совсем не задевает рассказ родителей его лучшего друга. Он продолжает давить на них:

— Может, хватит томить? И вы уже скажете, что с Демидом не так?

Свекор со свекровью переглядываются. Уверена, что под их молчаливым разговором скрывается множество слов.

— Вам уже это не поможет, — пожимает плечами свекровь, бросая полный ненависти взгляд на мой живот.

Не знаю, что именно выводит меня из ступора, в котором я все это время находилась, но уже в следующий момент подвигаюсь к столу, невольно сбрасывая ладонь Руслана, кладу руки на деревянную поверхность, переплетаю пальцы.

— Пожалуйста, помогите мне, — умоляю, но другого выбора все равно нет. Мне нужно узнать правду. Нужно. — Мой ребенок скоро родится. И мне нужно знать, что с ним не так.

Родители мужа снова переглядываются. Советуются, нужно ли мне раскрывать позорную тайну их семьи? Но, наверное, не учитывают тот факт, что я тоже не чужая и имею право знать правду! Право, которого меня лишил собственный муж!

Поэтому мне остается лишь задержать дыхание и… ждать.

Так сильно концентрируюсь на свекрах, что не замечаю ничего вокруг. И зря. Потому что всего через миг слышу

противный скрип ножек стула, трущихся о паркет. Поворачиваю голову и вижу, как муж перекидывает ногу через сидушку, а грудью упирается в спинку, складывая руки на ее основании.

Все внутри ухает вниз.

— Они тебе обязательно расскажут то, что ты захочешь услышать. Если ты заплатишь, конечно, — хмыкает Демид, не сводя пристального взгляда со своих родителей. — Но умолчат о важных деталях. Например, о тех, что они вызывали экзорциста, желая изгнать из своего сына дьявола, вместо того чтобы принять тот факт, что он особенный. Ну что, мам, пап, расскажем правду о нашем прошлом моей женушке, которой невтерпеж все вынюхать раньше времени? — переводит взгляд на меня, в котором с легкостью читается: «Ты пожалеешь обо всем, включая свое любопытство».

Глава 28

Демид

Еще немного, и я сорвусь.

Держу себя в руках из последних сил, чувствуя, как чистейший гнев лавой разливается по венам. По голове словно тысячей молотков одновременно бьют. Кровь шумит в ушах.

Внутренний голос призывает сохранять самообладание. Но я его почти не слышу. И таблетки не помогают…

Стоп.

Блядь!

Я же не выпил их утром.

Когда понял, что Якорь сбежала, у меня крышу снесло. Всего одна навязчивая мысль пульсировала в голове: «Нужно найти Ксюшу, и срочно». Именно она вытеснила все остальное. Даже что-то настолько важное, как мое лекарство.

Сейчас же воспоминание о препарате, который мне назначил доктор, лишь проскальзывает в мыслях. А уже в следующую секунду я забываю обо всем. Ведь смотрю на людей, которые должны были безоговорочно любить меня, но превратили мое детство в сущий ад на земле. Но и этого им оказалось мало, теперь они пытаются забрать самое важное в моей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.